

III. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Информация для цитирования:

Килина И. В. Прокурор в состязательном уголовном процессе: комбинаторика процессуальных функций // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 603–617. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-603-617.

Kilina I. V. *Prokuror v sostyazatel'nom ugolovnom protsesse: kombinatorika protsessual'nykh funktsiy* [The Prosecutor in Adversarial Criminal Proceedings: A Combinatorics of Procedural Functions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 603–617. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-603-617.

УДК 343.123.5

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-603-617

Прокурор в состязательном уголовном процессе: комбинаторика процессуальных функций

И. В. Килина

Пермский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: kilinairinav@gmail.com

Статья поступила в редакцию 13.10.2025

Введение: исторически обусловленная полиморфия процессуальных функций прокурора требует разрешения вопроса об определении природы и набора полномочий прокурора, поддерживающего государственное обвинение в суде. Системный анализ норм уголовно-процессуального закона и их конституционного истолкования обнажает проблему синкретичности действующего регулирования влияния прокурора на формирование пределов судебного разбирательства. С одной стороны, Конституционным Судом РФ последовательно отстаивается независимость суда, самостоятельность в принятии решений, возможность инициативной проверки им доказательств. Такой подход заслуживает поддержки, однако процессуальные возможности суда нивелируются принадлежащим прокурору монопольным правом определения применимых норм уголовного закона для целей квалификации обстоятельств конкретного уголовного дела, а также отсутствием в законе условий, при которых отказ прокурора обязателен для суда.

Цель: предложить оптимальное определение процессуальной функции поддержания прокурором государственного обвинения с учетом системного толкования принципа состязательности в духе концепции сильного (активного суда) в уголовном процессе России. **Задачи:** обозначить процессуальную природу функции обвинения в судебном разбирательстве; сформулировать условия, при которых распоряжение прокурором государственным обвинением будет одновременно учитывать публичный и частный интерес при разрешении уголовного дела по существу.

Методы: для решения поставленной задачи использовались приемы формальной и диалектической логики, обобщение, сравнительно-правовой и формально-юридический методы, методы толкования правовых норм, изучение документальных источников, анализ судебной практики, правовое прогнозирование и др. **В результате** исследования автор приходит к **выводу**, что прокурор поддерживает государственное обвинение в интересах общества на основе профессиональной приверженности объективной оценке доказательств и принятию законных, справедливых и мотивированных решений, с учетом сквозного влияния на принятие любого решения

© Килина И. В., 2025

Данная работа распространяется по лицензии CC BY 4.0. Чтобы просмотреть копию этой лицензии, посетите <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

III. CRIMINAL LAW SCIENCES

Information for citation:

Kilina I. V. *Prokuror v sostyazatel'nom ugolovnom protsesse: kombinatorika protsessual'nykh funktsiy* [The Prosecutor in Adversarial Criminal Proceedings: A Combinatorics of Procedural Functions]. *Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki* – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2025. Issue 4(70). Pp. 603–617. (In Russ.). DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-603-617.

Килина И. В. Прокурор в состязательном уголовном процессе: комбинаторика процессуальных функций // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. Вып. 4(70). С. 603–617. DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-603-617.

UDC 343.123.5

DOI: 10.17072/1995-4190-2025-70-603-617

The Prosecutor in Adversarial Criminal Proceedings: A Combinatorics of Procedural Functions

I. V. Kilina

Perm State University

E-mail: kilinairinav@gmail.com

Received 13 Oct 2025

Introduction: the historically determined polymorphism of the prosecutor's procedural functions requires resolving the issue of the nature and the powers of the prosecutor as the party supporting official prosecution in court. A systematic analysis of the provisions of the criminal procedure law and of their constitutional interpretation exposes the problem of syncretism in the current regulation of the prosecutor's influence on setting the limits of judicial proceedings. On the one hand, the Constitutional Court of the Russian Federation consistently defends the independence of the court, its autonomy in decision-making, the possibility to discretionally verify evidence. This approach deserves to be supported, however, the procedural capabilities of the court are nulled by the prosecutor's exclusive right to determine the applicable norms of the criminal law for qualifying the circumstances of a particular criminal case as well as by the absence of conditions in the law under which the prosecutor's refusal to charge is mandatory for the court.

Purpose: the study aims to propose an optimal definition of the procedural function of conducting public prosecution by the prosecutor, while taking into account the systemic interpretation of the adversariality principle in the spirit of the concept of strong (active) court in the criminal process of Russia. The **objectives** of the study are to identify the procedural nature of the prosecution function in court proceedings; to formulate the conditions under which the prosecutor's managing of public prosecution will simultaneously take into account public and private interests when resolving a criminal case on its merits. **Methods:** the author employed the methods of formal and dialectical logic, generalization, comparative legal and formal legal methods, methods of interpretation of legal norms, study of documentary sources, analysis of judicial practice, legal forecasting, etc. The author concludes that the prosecutor supports prosecution on behalf of the public on the basis of professional commitment to an objective assessment of evidence and to making legitimate, fair, and objective decisions in view of the pervasive influence on any decision of the function of supervising the legality of the process. The article substantiates the need to introduce into the law the

© Kilina I. V., 2025

This work is licensed under CC BY 4.0. To view a copy of the license, visit <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

функции надзора за законностью процесса. Обосновывается необходимость закрепления в законе условий мотивированности и своевременности отказа прокурора от обвинения, а также исключения определяющего значения мнения прокурора о применимом материальном законе.

Ключевые слова: состязательность; пределы судебного разбирательства; прокурор; уголовное преследование; обвинение; отказ от обвинения; изменение обвинения

The Prosecutor in Adversarial Criminal Proceedings: A Combinatorics of Procedural Functions

I. V. Kilina

Perm State University

E-mail: kilinairinav@gmail.com

Received 13 Oct 2025

Introduction: the historically determined polymorphism of the prosecutor's procedural functions requires resolving the issue of the nature and the powers of the prosecutor as the party supporting official prosecution in court. A systematic analysis of the provisions of the criminal procedure law and of their constitutional interpretation exposes the problem of syncretism in the current regulation of the prosecutor's influence on setting the limits of judicial proceedings. On the one hand, the Constitutional Court of the Russian Federation consistently defends the independence of the court, its autonomy in decision-making, the possibility to discretionally verify evidence. This approach deserves to be supported, however, the procedural capabilities of the court are nulled by the prosecutor's exclusive right to determine the applicable norms of the criminal law for qualifying the circumstances of a particular criminal case as well as by the absence of conditions in the law under which the prosecutor's refusal to charge is mandatory for the court. **Purpose:** the study aims to propose an optimal definition of the procedural function of conducting public prosecution by the prosecutor, while taking into account the systemic interpretation of the adversariality principle in the spirit of the concept of strong (active) court in the criminal process of Russia. The **objectives** of the study are to identify the procedural nature of the prosecution function in court proceedings; to formulate the conditions under which the prosecutor's managing of public prosecution will simultaneously take into account public and private interests when resolving a criminal case on its merits. **Methods:** the author employed the methods of formal and dialectical logic, generalization, comparative legal and formal legal methods, methods of interpretation of legal norms, study of documentary sources, analysis of judicial practice, legal forecasting, etc. The author concludes that the prosecutor supports prosecution on behalf of the public on the basis of professional commitment to an objective assessment of evidence and to making legitimate, fair, and objective decisions in view of the pervasive influence on any decision of the function of supervising the legality of the process. The article substantiates the need to introduce into the law the conditions of the motivation and timeliness of the prosecutor's refusal to charge and to exclude the critical significance of the prosecutor's opinion on the substantive law to be applied.

Keywords: adversarial nature; limits of judicial proceedings; prosecutor; criminal prosecution; charge; refusal to charge; change of the charge

Введение

Вопрос о процессуальных функциях прокурора в уголовном судопроизводстве долгие годы остается одним из крайне дискуссионных.

Комбинаторика процессуальных функций прокурора как в российском, так и в зарубежных правовых порядках обусловлена множеством факторов и условий. Многообразие направлений деятельности

прокурора в отдельных национальных юрисдикциях детерминирует, в частности, различное определение места прокуратуры в системе органов государственной власти. Одни государства структурно включают прокуратуру в систему органов исполнительной власти, другие – организационно относят ее к судебной власти; иные правовые порядки отводят прокуратуре уникальное самостоятельное место, не относя ее ни к одной из ветвей государственной

conditions of the motivation and timeliness of the prosecutor's refusal to charge and to exclude the critical significance of the prosecutor's opinion on the substantive law to be applied.

Keywords: adversarial nature; limits of judicial proceedings; prosecutor; criminal prosecution; charge; refusal to charge; change of the charge

Information in Russian

Прокурор в состязательном уголовном процессе: комбинаторика процессуальных функций

И. В. Килина

Пермский государственный национальный исследовательский университет

E-mail: kilinairinav@gmail.com

Статья поступила в редакцию 13.10.2025

Введение: исторически обусловленная полиморфия процессуальных функций прокурора требует разрешения вопроса об определении природы и набора полномочий прокурора, поддерживающего государственное обвинение в суде. Системный анализ норм уголовно-процессуального закона и их конституционного толкования обнажает проблему синкретичности действующего регулирования влияния прокурора на формирование пределов судебного разбирательства. С одной стороны, Конституционным Судом РФ последовательно отстаивается независимость суда, самостоятельность в принятии решений, возможность инициативной проверки им доказательств. Такой подход заслуживает поддержки, однако процессуальные возможности суда нивелируются принадлежащим прокурору монопольным правом определения применимых норм уголовного закона для целей квалификации обстоятельств конкретного уголовного дела, а также отсутствием в законе условий, при которых отказ прокурора обязателен для суда. **Цель:** предложить оптимальное определение процессуальной функции поддержания прокурором государственного обвинения с учетом системного толкования принципа состязательности в духе концепции сильного (активного суда) в уголовном процессе России. **Задачи:** обозначить процессуальную природу функции обвинения в судебном разбирательстве; сформулировать условия, при которых распоряжение прокурором государственным обвинением будет одновременно учитывать публичный и частный интерес при разрешении уголовного дела по существу. **Методы:** для решения поставленной задачи использовались приемы формальной и диалектической логики, обобщение, сравнительно-правовой и формально-юридический методы, методы толкования правовых норм, изучение документальных источников, анализ судебной практики, правовое прогнозирование и др. В **результате** исследования автор приходит к **выводу**, что прокурор поддерживает государственное обвинение в интересах общества на основе профессиональной приверженности объективной оценке доказательств и принятию законных, справедливых и мотивированных решений, с учетом сквозного влияния на принятие любого решения функции надзора за законностью процесса. Обосновывается необходимость закрепления в законе условий мотивированности и своевременности отказа прокурора от обвинения, а также исключения определяющего значения мнения прокурора о применимом материальном законе.

Ключевые слова: состязательность; пределы судебного разбирательства; прокурор; уголовное преследование; обвинение; отказ от обвинения; изменение обвинения

Introduction

The problem of the prosecutor's procedural functions in criminal proceedings has been one of the most controversial for many years.

The combinatorics of the prosecutor's procedural functions in both Russian and foreign legal systems is determined by a variety of factors and conditions. The diversity of the prosecutor's activities in individual

national jurisdiction determines the different views on the place of the public prosecution service in the system of public authorities. In some states, the prosecution service is structurally included in the system of executive authorities; in others, it is regarded as part of the judiciary; there are also legal systems where the prosecution service has a unique independent status and does not belong to any of the branches of

власти, что служит теоретической основой для наделения прокурора полномочиями по поддержанию режима законности в целом¹.

Прокуратура как орган может иметь или не иметь закрепленный конституционный статус, быть аполитичной или встроеной в политическую повестку [20, с. 719–768], иметь централизованную или децентрализованную организацию. По меткому выражению Алана Склански, «прокуроры находятся на стыке ключевых концептуальных и организационных различий в уголовном правосудии: между состязательной и инквизиционной формами правосудия, между судами и полицией, между возмездием и милосердием, между законом и дискреционными полномочиями и, особенно в Соединённых Штатах, между политикой и правом» [23, с. 455].

Следствием перечисленных обстоятельств выступает отсутствие широко разделяемых взглядов на природу прокуратуры, хотя попытки выделения ее моделей и теорий предпринимаются [17]. Создание прокуратуры как органа, обеспечивающего государственную задачу по осуществлению уголовного судопроизводства, характерно для континентальной правовой традиции. Концептуальная особенность последней, как отмечает Л. В. Головкин, заключается в том, что «при всем разнообразии национальных вариантов континентальная прокуратура представляет собой иерархически организованный профессиональный корпус магистратов, обладающих достаточной степенью институциональной независимости и принципиально чуждых какой-либо политизации, партийной принадлежности и т. д.» [2, с. 56].

Прокуратура здесь общепринято выступает органом, участвующим в решении государственной задачи по организации уголовной юстиции. Однако и применительно к выделению направлений деятельности прокурора исключительно в сфере уголовного судопроизводства единообразие не достигнуто.

Как резюмируют авторы сравнительно-правового исследования статуса прокуратур, «европейский прокурор всегда рассматривался не как юридический агент правительства, а как слуга закона, выступающий от имени всего общества. Если изначально его основной миссией было осуществление уголовного преследования, то в дальнейшем его роль расширилась до защитника законности в целом» [14, с. 137].

Вопрос о множественности процессуальных функций прокурора в российском уголовном процессе, их системе и наиболее разумном определении на различных этапах производства по уголовному делу имеет решающее значение для организации эффективного уголовного судопроизводства с

должным уровнем правовых гарантий и неизменно требует пристального внимания.

В отечественном уголовном судопроизводстве ни одному другому участнику процесса не принадлежит такое количество различных по природе полномочий: надзор за законностью, процессуальное руководство дознанием, уголовное преследование, поддержание государственного обвинения в суде. Вопрос об их природе и оптимальном сочетании остается одним из самых непростых.

Относительно набора полномочий прокурора в досудебном производстве высказывается справедливая критика. Обоснованные упреки вызваны ограничением властных полномочий прокурора по принятию решений, обеспечивающих движение уголовного дела (возбуждение уголовного дела (преследования) и определение судьбы обвинения в итоговых процессуальных документах стадии предварительного расследования). Примечательно, что при всем многообразии зарубежных подходов к организации направлений деятельности прокуроров Россия – практически единственная страна, в которой прокурор не наделен полномочием по возбуждению уголовного преследования. Как следствие, российский прокурор, в отличие от зарубежных коллег [18; 23; 24], остался и за бортом принятия решений о применении альтернатив уголовному преследованию (об освобождении от уголовной ответственности).

Проблема формирования обвинения в досудебном производстве

Прежде чем обоснованно рассуждать на тему поддержания обвинения в суде, следует определиться с тем, что есть обвинение, какой путь формирования оно проходит к моменту направления уголовного дела в суд и каково его правовое значение.

Легальное определение обвинения, сформулированное в пункте 22 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), явилось отражением доктринальных разработок советских ученых-процессуалистов. Так, Н. Н. Полянский, М. С. Строгович, П. С. Элькин, А. Л. Ривлин определяли обвинение как утвердительное суждение о совершении лицом преступления [1, с. 22–23].

Основанное на достаточной совокупности доказательств обвинение формулируется в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, в обвинительном акте, обвинительном постановлении и предъявляется последнему в целях обеспечения права знать об обвинении и защищаться от него всеми не запрещенными законом способами. Суще-

therefore these questions certainly require close attention.

In Russian criminal proceedings, no other participant in the process has such a wide range of different powers: supervision of legality, procedural guidance of the inquiry, criminal prosecution, and support of the public prosecution in court. The question of the nature and optimal combination thereof remains one of the most difficult.

There is fair criticism regarding the set of the prosecutor's powers in pre-trial proceedings. The justified reproaches are caused by the limitation of the prosecutor's authority to make decisions that ensure the progress of the criminal case (initiation of criminal proceedings (of criminal prosecution) and determine the fate of the charge in the final procedural documents of the preliminary investigation stage). It is noteworthy that, with all the variety of foreign approaches to the organization of prosecutors' activities, Russia is practically the only country in which the prosecutor is not authorized to initiate criminal prosecution. As a result, the Russian prosecutor, unlike his foreign colleagues [18; 23; 24], was left out of making decisions on the use of alternatives to criminal prosecution (on exemption from criminal liability).

The Problem of the Formation of Charges in Pre-Trial Proceedings

Before discussing the topic of supporting the charge in court, it is necessary to define what a charge is, how it is formed before the criminal case is forwarded to the court, and what its legal significance is.

The legal definition of charge formulated in Item 22 of Article 5 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter also referred to as the RF Criminal Procedure Code) is a reflection of the doctrinal developments of Soviet specialists in procedural law. N. N. Polyansky, M. S. Strogovich, P. S. Elkind, A. L. Rivlin defined a charge as an affirmative judgement about the commission of a crime by a person [1, pp. 22–23].

A charge based on a sufficient body of evidence is formulated in a formal notice of the charges against a person, in a bill of indictment, in an indictment order, and is presented to the person in order to implement the right to know about the charge and to defend against it in all ways not prohibited by law. The existence

government, this serving as a theoretical basis for empowering the prosecutor to maintain the rule of law in general¹.

The prosecution service as a body may or may not have a fixed constitutional status, be apolitical or integrated into the political agenda [20, pp. 719–768], have a centralized or decentralized arrangement. According to the smart remark made by Alan Sklansky, prosecutors are at the junction of key conceptual and organizational differences in criminal justice: between adversarial and inquisitorial forms of justice, between the courts and police, between retribution and mercy, between law and discretionary powers, and, especially in the United States, between politics and law [23, p. 455].

The above circumstances result in the lack of widely shared views on the nature of prosecution, although attempts are being made to identify its models and theories [17]. The establishment of the prosecution service as a body responsible for the state task of conducting criminal proceedings is typical for the continental legal tradition. The conceptual feature of this tradition, as noted by L. V. Golovko, is that 'with all the variety of national options, the continental prosecution service is a hierarchically organized professional corps of magistrates possessing a sufficient degree of institutional independence and fundamentally alien to any politicization or party affiliation, etc.' [2, p. 56].

The prosecution service traditionally acts here as a body involved in solving the state task of organizing criminal justice. However, there has not been achieved uniformity even with regard to defining the prosecutor's activities exclusively in the field of criminal proceedings.

According to the conclusion of the authors of a comparative legal study of the status of prosecution services, 'the European prosecutor has always been viewed not as a legal agent of the government, but as a servant of the law acting on behalf of the whole society. While initially his main mission was to carry out criminal prosecution, later his role expanded to advocating the rule of law in general' [14, p. 137].

The questions of the multiplicity of the prosecutor's procedural functions in the Russian criminal process, their system, and the most reasonable scope at various stages of criminal proceedings are crucial for the organization of effective criminal proceedings with an appropriate level of legal guarantees, and

¹ Россия в различные исторические периоды придерживалась каждого из перечисленных подходов. В императорской России после 1864 года Министр юстиции одновременно по должности являлся Генерал-прокурором, а прокуроры и их товарищи состояли при судах (именно в тот период была реализована концепция полноты судебной власти). С 1923 года учреждалась Прокуратура Верховного суда СССР. С 1933 года прокуратура приобретает статус самостоятельного государственного органа и остается в этой парадигме по сегодняшний день с окончательным конституционным утверждением независимого от иных ветвей власти положения в ходе конституционной реформы 2020 года.

¹ Russia has followed each of these approaches in various historical periods. In Imperial Russia, after 1864, the Minister of Justice was simultaneously the Prosecutor General, and the prosecutors and their comrades were assigned to the courts (it was during that period that the concept of judicial completeness was implemented). In 1923, the Prosecutor's Service of the Supreme Court of the USSR was established. In 1933, the Prosecutor's Service acquired the status of an independent state body and it remains in this paradigm to this day, with the final constitutional approval of its position as independent of other branches of government in the constitutional reform of 2020.

ствование автономного института предъявления обвинения при производстве расследования в форме предварительного следствия направлено на решение важных задач: исключение необоснованного применения наиболее строгих мер пресечения и предоставление возможности для стороны защиты уже в процессе расследования активно реализовывать право на защиту.

К моменту направления уголовного дела в суд обвинение формулируется лицом, ведущим расследование, доводится до сведения обвиняемого и его защитника, законного представителя и утверждается прокурором, оценивающим судебную перспективу дела. Утверждение обвинения прокурором, призванное обеспечить законность и обоснованность обвинения, является второй (после отсутствия права возбуждения уголовного преследования) реперной точкой для неопределенности статуса прокурора в российском уголовном процессе. Так, нормы закона не обеспечивают возможность властного влияния прокурора на формулирование окончательного обвинения в уголовных делах, расследованных в форме предварительного следствия. В случае несогласия с существом или формулой обвинения прокурор наделен лишь возможностью возвращения уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительных заключений и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями (п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ). Более того, в силу принципа процессуальной самостоятельности следователя последний вправе не согласиться с таким решением прокурора (ч. 4 ст. 221 УПК РФ). Таким образом, в случае несовпадения взглядов следователя и прокурора на обвинение могут возникнуть не разрешимые властью прокурора тупиковые ситуации на пути направления дела в суд, в котором именно на прокурора ложится обязанность по поддержанию обвинения. Современное регулирование этого вопроса сложно признать удовлетворительным.

В советском варианте и вплоть до реформы 2007 года¹ у прокурора имелась возможность провести в жизнь решение относительно окончательного варианта обвинения, не навязывая следователю своей точки зрения. Прокурор обладал полномочием отменить постановление следователя о прекращении дела и составить обвинительное заключение [11, с. 121]. В рамках же действующего регулирования, как было отмечено выше, в непростых (в случае расхождения позиций следователя и прокурора) обстоятельствах обвинение проходит свое формирование в досудебном производстве.

Очевидно, что оптимальное распределение государственных акторов досудебного производства

требует осознанного подхода законодателя к соотношению процессуальных функций расследования, уголовного преследования и надзора, при котором прокурор дает начало официальному уголовному преследованию, затем в процессе расследования обстоятельством уголовного дела осуществляет надзор за законностью производства по уголовному делу, а по завершении такого расследования, оценив его итоги, принимает или не принимает решение о передаче уголовного дела в состязательное судебное разбирательство. Иными словами, оптимальной для досудебного производства видится комбинация процессуальных полномочий прокурора, при которой именно он принимает решения, связанные с началом (возбуждение уголовного дела) и продолжением уголовного преследования (утверждение итогов расследования и направление дела в суд), осуществляя в промежутке между ними надзор за законностью деятельности дознавателя, следователя, на которых возложена обязанность полного, всестороннего и объективного установления обстоятельств произошедшего.

Такой подход в большей степени способствовал бы объективности расследования (дознаватель, следователь не несут ответственности за результат уголовного преследования), его законности (процедура расследования осуществляется под надзором прокурора) и эффективности (за формирование обвинения отвечает прокурор, который и будет в дальнейшем поддерживать его в суде).

Роль прокурора в состязательном судебном процессе

Одновременно с этим нельзя назвать разрешенными и проблемы, возникающие при определении процессуального положения прокурора в судебных стадиях.

В судебном разбирательстве на прокурора возложено полномочие по поддержанию государственного обвинения. Указанная процессуальная функция не случайно самостоятельно поименована в законе. Причина тому – состязательность, вступающая в права в судебном рассмотрении уголовного дела по существу. Поддержание обвинения и есть составляющая функции обвинения в состязательной связке «обвинение – защита – разрешение дела». П. С. Элькинд справедливо отмечала, что «функция обвинения связана только со стадией судебного разбирательства и только с деятельностью обвинителя как процессуально равноправной стороны в судебном заседании. Обособление обвинения в самостоятельную функцию процесса характеризуется появлением особого участника процесса – обвинителя, назначение которого состоит в поддержании перед судом

of an autonomous institution of laying a charge during an investigation carried out as a preliminary inquiry is aimed at solving important tasks: eliminating an unjustified use of the most stringent restrictive measures and providing an opportunity for the defense to actively exercise the right to defense as early as during the investigation process.

By the time the criminal case is sent to court, the charge is formulated by the person conducting the investigation, is brought to the attention of the accused and his lawyer or legal representative, and is approved by the prosecutor who assesses the judicial prospects of the case. The prosecutor's approval of the charges, aimed at ensuring their legality and validity, is the second (after the absence of the right to initiate criminal prosecution) reference point demonstrating the uncertainty of the prosecutor's status in the Russian criminal process. The norms of the law do not provide for the possibility of the prosecutor's authoritative influence on the formulation of final charges in criminal cases investigated in the form of a preliminary inquiry. In the case of disagreement with the substance or wording of the charge, the prosecutor is only given the possibility to return the criminal case to the investigator for the latter to conduct an additional investigation, to change the extent of the charge or the qualification of the actions of the accused, or to redraft the indictment and eliminate the identified deficiencies, with the prosecutor's written instructions provided (Item 2 of Part 1 of Article 221 of the RF Criminal Procedure Code). Moreover, the investigator, by virtue of the principle of his procedural independence, has the right to disagree with such a decision of the prosecutor (Part 4 of Article 221 of the RF Criminal Procedure Code). Thus, in the event of a discrepancy between the views of the investigator and the prosecutor on the charge, deadlocks may arise, these being impossible to resolve by the prosecutor's authority, on the way to sending the case to court, where it is the prosecutor who supports the prosecution. Current regulation of this issue can hardly be recognized as satisfactory.

In the Soviet version and up to the reform implemented in 2007¹, the prosecutor had the opportunity to enforce the decision on the final version of the charge without imposing his point of view on the investigator. The prosecutor had the authority to overturn the investigator's decision on termination of the case and to draw up an indictment [11, p. 121]. As to today's regulation, as noted above, in tough circumstances (where there are discrepancies between the positions of the investigator and the prosecutor), the indictment is formed in pre-trial proceedings.

Obviously, the optimal distribution of the state actors in pre-trial proceedings requires a conscious

approach of the legislator to ensuring the balance of the procedural functions of investigation, prosecution, and supervision, in which case the prosecutor initiates official criminal prosecution, then oversees the legality of criminal proceedings during the investigation of the circumstances of the criminal case, and finally, upon completion of the investigation, having assessed its results, the prosecutor makes a decision or does not make a decision on the transfer of the criminal case to an adversarial trial. In other words, what seems most optimal for pre-trial proceedings is such a combination of the prosecutor's procedural powers that he is the one who makes decisions related to the start (initiation of criminal proceedings) and the continuation of criminal prosecution (approval of the investigation results and forwarding of the case to the court), while in between controlling the legality of the activities of the inquiry officer, investigator, who are to establish the circumstances of the incident fully, comprehensively, and objectively.

Such an approach would contribute to the objectivity of the investigation (the inquiry officer, investigator would not be responsible for the outcome of the criminal prosecution), its legality (the investigation procedure would be carried out under the control of the prosecutor), and effectiveness (the one responsible for the formation of charges would be the prosecutor, who further supports the charges in court).

The Role of the Prosecutor in an Adversarial Trial

The problems associated with defining the procedural status of the prosecutor in the judicial stages cannot be viewed as resolved either.

In court proceedings, the prosecutor has the authority to support the public prosecution. There is a good reason why this procedural function is individually named in the law – it is the adversarial nature of the process, as adversariality takes the scene in the judicial review of a criminal case on its merits. Supporting the prosecution is the essence of the prosecution function in the adversarial combination 'prosecution – defense – resolution of the case'. P. S. Elkind was right to note that 'the function of prosecution is related only to the stage of the trial and only to the activity of the prosecutor as a procedurally equal party in the court session. Presenting the prosecution as an independent function of the process is characterized by bringing into the process a special participant – the prosecutor, whose purpose is to support the prosecution before

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ On the Introduction of Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Federal Law 'On the Prosecution Service in the Russian Federation': Federal Law No. 87-FZ of June 5, 2007. Accessed from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

обвинения» [16, с. 61]. Схожей позиции сегодня придерживается М. М. Бондарь: «Сфера применения категории “обвинение” в смысле основной уголовно-процессуальной функции ограничена именно пределами реализации принципа состязательности сторон, и только в этой сфере применения данный термин означает основную уголовно-процессуальную функцию» [1, с. 33]. Такой подход абсолютно обоснован, поскольку, в отличие от досудебного производства, в судебном разбирательстве появляются равноправные стороны, состязаящиеся перед судом.

Предъявленное лицу обвинение имеет важное правовое значение, поскольку именно его содержанием ограничиваются пределы судебного разбирательства. Однако очевидно, что сформулированное в досудебном производстве утверждение о совершении лицом преступления может измениться под воздействием исследованных непосредственно судом доказательств. К тому же в уголовном судопроизводстве не только стороны, но и суд наделены широкими процессуальными возможностями по выяснению всех фактических обстоятельств содеянного. Этот тезис требует подробного пояснения.

Концепция «сильного» суда в состязательном уголовном процессе как основа для решения вопроса о влиянии позиции прокурора на пределы судебного разбирательства

Специфику состязательности в уголовном процессе неизбежно предопределяет его публичность. Наделенные властными полномочиями должностные лица в уголовном процессе призваны обеспечить исполнение взятой на себя государством обязанности по обеспечению безопасности общества: восстанавливать права потерпевших и привлекать в рамках надлежащей процедуры к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление. Существо этой обязанности исключает возможность произвольного (по личному усмотрению) принятия тех

или иных решений и осуществления процессуальных действий. Одновременно с этим состязательность несовместима с сосредоточением в руках суда каких-либо иных процессуальных функций, кроме разрешения уголовного дела, а значит, активность суда допустима (и необходима), но лишь с единственной целью – разрешить дело.

В этой связи следует обратиться к многочисленным позициям Конституционного Суда РФ, направленным на исключение возможности построения уголовного процесса по модели чистой состязательности, в которой суд выступает молчаливым арбитром в споре сторон.

Конституционный Суд РФ как накануне принятия нового УПК РФ¹, так и после его принятия² настаивает на правомерности активного участия суда в доказывании: в том числе подтверждает его право по собственной инициативе собирать доказательства с целью проверки иных доказательств и принимать на их основе правосудные решения. Такой подход подчеркивает, что суд не может быть пассивным наблюдателем в процессе, недопустимо ставить его в условия, когда он обязан выносить заведомо для себя неправомерный приговор или иное решение.

Обратное, как отмечается в ряде определений Конституционного Суда РФ, не позволило бы суду при рассмотрении уголовных дел давать объективную оценку отстаиваемым сторонами позициям и устранять возникающие в ходе судебного разбирательства сомнения в их обоснованности, а следовательно, не обеспечивало бы независимость и беспристрастность суда при отправлении им правосудия³.

В рамках этого же дискурса Конституционный Суд РФ полагает совместимым с принципом состязательности право суда по собственной инициативе: 1) инициировать решение вопроса о мере пресечения⁴, 2) возвращать уголовное дело прокурору, в том числе для квалификации деяния как более тяжкого преступления, общественно опасного деяния⁵, 3) возвращаться из совещательной комнаты и возобновлять

the court' [16, p. 61]. Today, M. M. Bondar adheres to a similar position: 'the scope of applying the category 'prosecution' in the sense of the main criminal procedural function is limited precisely by the limits of implementing the adversarial procedure principle, and only in this scope of application this term means the main criminal-procedure function' [1, p. 33]. This approach is absolutely justified since, unlike the case with pre-trial proceedings, court proceedings deal with equal parties contending before the court.

A charge brought against a person is of great legal importance since it is precisely the content of the charge that limits the scope of the trial. However, it is obvious that the statement formulated in pre-trial proceedings about the commission of the crime by a person may change under the influence of evidence examined directly by the court. In addition, in criminal proceedings not only the parties but also the court are endowed with extensive procedural capabilities to clarify all the factual circumstances of the incident. This thesis requires a detailed explanation, which will be provided further.

The Concept of a 'Strong' Court in Adversarial Criminal Proceedings as a Fundamental Basis for Resolving the Issue of the Influence of the Prosecutor's Position on the Scope of Judicial Proceedings

The specifics of the adversarial nature of the criminal process are predetermined by publicity of the process. Officials vested with authorities in the criminal process are to ensure the fulfilment of the obligation assumed by the state to provide the safety of society: to restore the rights of the victims and to bring to criminal responsibility, within the framework of the appropriate procedure, those who have committed a crime. The essence of this obligation excludes the possibility of arbitrary decisions and procedural actions (those made and performed at one's own discretion). At the same time, adversariality in court is incompatible with vesting the

court with any other procedural functions except resolution of the criminal case, which means that the activity of the court is permissible (and necessary) for the only purpose of resolving the case.

In this regard, we should refer to the numerous positions of the Constitutional Court of the Russian Federation aimed at eliminating the possibility of building a criminal process as per the model of pure competition, in which the court acts as a silent arbitrator in a dispute between the parties.

Both before the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation was adopted¹ and after its enactment², the Constitutional Court of the Russian Federation insisted on the legality of the court's active participation in the process of proving and confirmed the court's right to collect evidence on its own initiative in order to verify other evidence and make judicial decisions based on it. This approach emphasizes that the court cannot be a passive observer in the process, and it is not acceptable to put it in conditions where it is obliged to make a knowingly unjustified verdict or other decision.

As noted in some rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, the opposite would not allow the court, when considering criminal cases, to give an objective assessment of the positions defended by the parties and eliminate doubts about their validity that arise during the trial, and therefore would not ensure the independence and impartiality of the court in the administration of justice³.

As part of the same discourse, the Constitutional Court of the Russian Federation considers the following rights of the court (with the relevant actions performed on the court's own initiative) to be compatible with the adversarial principle: 1) the right to initiate making a decision on the restrictive measures⁴, 2) the right to return the criminal case to the prosecutor, including for the qualification of the act as a more serious crime, as a socially dangerous act⁵, 3) the right to return from the consultation room and continue

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Якурина К. А. на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 276 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 23 янв. 2001 г. № 21-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Решетникова Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 15 июля 2008 г. № 442-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Будаева Ц. Н. на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 18 июня 2004 г. № 204-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ По делу о проверке конституционности ряда положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих порядок и сроки применения в качестве меры пресечения заключения под стражу на стадиях уголовного судопроизводства, следующих за окончанием предварительного расследования и направлением уголовного дела в суд, в связи с жалобами ряда граждан [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 2013 г. № 16-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шубина А. А. на нарушение его кон-

¹ On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen K. A. Yakurin about violation of his constitutional rights by part four of Article 276 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 21-O of January 23, 2001. Accessed from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

² On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Evgeny Vladimirovich Reshetnikov about violation of his constitutional rights by part one of Article 283 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 442-O-O of July 15, 2008. Accessed from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

³ On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen T. N. Budaev about violation of his constitutional rights by part two of Article 283 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 204-O of June 18, 2004. Accessed from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

⁴ On the case on verifying the constitutionality of a number of provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the procedure and time limits for the use of detention as a preventive measure at the stages of criminal proceedings following the completion of the preliminary investigation and sending the criminal case to court, in connection with complaints from a number of citizens: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 4-P of March 22, 2005. Accessed from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

⁵ On the case on verifying the constitutionality of the provisions of part one of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation following the complaint of citizen of the Republic of Uzbekistan B. T. Gadaev and the request of the Kurgan Regional Court: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 16-P of July 2, 2013. Accessed from the legal reference system 'ConsultantPlus'; On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen A. A. Shubin about violation of his constitutional rights by Item 1 of part one of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1102-O of May 21, 2015. Accessed from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

судебное следствие, 4) инициировать процедуры устранения препятствий для правильного рассмотрения уголовного дела¹. Приведенные позиции основаны на единой логике выстраивания процедуры рассмотрения уголовных дел, отвечающей требованиям, которые обеспечивают суду всесторонность и объективность в исследовании доказательств, самостоятельность и независимость в принятии решений.

При таких обстоятельствах закономерно возникает вопрос: совместима ли идея активного и независимого суда с правом прокурора распоряжаться государственным обвинением в стадии судебного разбирательства?

Итак, шаг за шагом законодатель движется в сторону наделения суда правомочием не только по установлению фактических обстоятельств дела, но и созданию условий для принятия решения на основе именно этих, выясненных судом фактов (иначе зачем суду столь широкие возможности по их установлению?).

Ярким свидетельством такого движения стало внесение изменений в статью 237 УПК РФ², наделяющих суд правом по собственной инициативе возвращать уголовное дело прокурору при необходимости усиления юридической квалификации или расширения фактической составляющей обвинения с учетом установленных в суде обстоятельств. Круг замкнулся: активность суда при выяснении обстоятельств дела при таком регулировании носит не декларативный, а реальный характер. Указанное обстоятельство не может воодушевить представителей стороны защиты, для которых, очевидно, наиболее благоприятна модель состязательности, при которой «недоработка» стороны обвинения сулит снижение ответственности. Однако модель чистой состязательности не может устоять в публичном уголовном процессе, поскольку всё те же просчеты стороны обвинения (в условиях невозможности исправления их последствий в суде) означали бы отказ в надежной защите для потерпевших и, как следствие, констатацию факта государством – «с обязанностью по организации уголовного судопроизводства не справляется».

Что же касается прокурора, то и его вывод относительно обвинения может меняться в процессе осуществления им функции по поддержанию обвинения.

Изменение обвинения может либо расширять обвинение (ухудшать положение подсудимого), либо сужать его (улучшать его положение), либо отражаться на праве обвиняемого на защиту. Каждая ситуация заслуживает отдельного внимания.

Усиление обвинения прокурором в стадии судебного разбирательства

В российском процессе действует правило: изменение обвинения в судебном разбирательстве допускается, если этим не ухудшается положение подсудимого и не нарушается его право на защиту (ст. 252 УПК РФ). Вопрос о перепредъявлении обвинения, если оно ухудшает положение подсудимого, принципиально может быть решен двумя путями: возврат в досудебное производство (именно этот вариант взят за основу российским законодателем) либо допущение возможности предъявления государственным обвинителем нового обвинения (если оно не выходит за пространственно-временные границы первоначально предъявленного обвинения) в ходе судебного разбирательства с предоставлением второй стороне времени для подготовки к защите от нового обвинения.

Нет оснований полагать, что первый вариант безоговорочно несет в себе преимущества для стороны защиты, поскольку он сопряжен с увеличением срока производства по делу, а вместе с ним – срока применения к лицу мер пресечения, увеличением процессуальных издержек и т. п. Представляется, что при неизменности конечного результата (усилении обвинения) возврат в досудебное производство оправдан лишь в тех случаях, когда у суда нет возможности продолжить рассмотрение дела ввиду необходимости производства следственных действий, существенно увеличивающих срок судебного разбирательства (как правило, назначение судебных экспертиз), что негативно отражается на непрерывности судебного разбирательства (пусть и не писанного в силу материально-ресурсных затрат принципа). Таким образом, закрепление процессуального механизма изменения обвинения в сторону его усиления (в одном из двух вариантов) является логичной гарантией реализации концепции активного суда в публичном состязательном уголовном процессе.

Отказ прокурора от обвинения

По настоянию законодателя прокурор обеспечивает законность и обоснованность обвинения, что, как следствие, предопределяет и функциональную возможность отказа от него. Правовые последствия такого отказа четко определены законодателем: полный или частичный отказ государственного

judicial inquiry, 4) the right to initiate procedures to remove obstacles to the proper consideration of the criminal case¹. The above positions are based on a single logic of building the procedure for reviewing criminal cases that meets the requirements ensuring the court's comprehensiveness and objectivity in examining evidence, its autonomy and independence in decision-making.

In such circumstances, there naturally arises a question of whether the idea of an active and independent court is compatible with the prosecutor's right to decide on the public charges at the trial stage?

Thus, step by step, the legislator is moving toward giving the court not only the authority to establish the factual circumstances of the case but also to create the conditions for making a decision based on these very facts clarified by the court (otherwise why would the court have such wide possibilities to establish them?)

Clear evidence of this 'movement' and intent was the introduction of amendments to Article 237 of the RF Criminal Procedure Code² that allowed the court, on its own initiative, to return a criminal case to the prosecutor if it is necessary to enhance the crime qualification or expand the factual component of the charge in view of the circumstances established in court. The circle has closed – under such regulation, the activity of the court in clarifying the circumstances of the case is not declarative but real. This cannot please the representatives of the defense, for whom the most favorable adversarial model is, obviously, the one where 'omissions' on the part of the prosecution offer prospects of liability reduction. However, the model of pure competition cannot stand in a public criminal trial because the mentioned omissions of the prosecution (where it is not possible to correct their consequences in court) would mean a denial of reliable protection for the victims and, as a result, the state would have to confess that 'the prosecution does not cope with the obligation to organize criminal proceedings'.

As to the prosecutor, his conclusion regarding the charge may also change in the process of exercising his function of supporting the prosecution.

A change of the charge may either expand it (worsen the defendant's situation), or narrow it (improve this situation), or affect the defendant's right to defense. Each situation deserves special attention.

Making the Charge Heavier by the Prosecutor at the Trial Stage

In Russian proceedings, the following rule applies: a change of the charge in court proceedings is allowed if this does not worsen the situation of the defendant and does not violate his right to defense (Article 252 of the RF Criminal Procedure Code). The issue of changing the charge if this worsens the defendant's situation can be generally resolved in two ways: by returning to pre-trial proceedings (this is the option taken as the basis by the Russian legislator) or by allowing the public prosecutor to file a new charge (if it does not exceed the space-time limits of the original charge) during the trial while providing the other party with time to prepare for the defense against the new charge.

There is no reason to believe that the first option is advantageous for the defense since it involves an extension in the duration of proceedings, and consequently – the extension of the period of applying restrictive measures to a person, an increase in procedural costs, etc. Seemingly, if the final result (heavier charge) remains unchanged, the return to pre-trial proceedings is justified only in cases where the court does not have the opportunity to continue considering the case due to the need for investigative actions that significantly increase the duration of the trial (as a rule, the appointment of forensic examinations), which negatively affects the continuity of the trial, this being an unwritten principle. Thus, the legitimation of the procedural mechanism of changing the charge for a heavier one (in one of the two versions) is a logical guarantee for the implementation of the concept of an active court in a public adversarial criminal process.

The Prosecutor's Refusal to Charge

At the insistence of the legislator, the prosecutor ensures the legality and validity of the charge, which, as a result, determines the functional possibility to refuse to charge. The legal consequences of such a refusal are clearly defined by the legislator: the public prosecutor's complete or partial refusal to charge

ституционных прав пунктом 1 части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 21 мая 2015 г. № 1102-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сайгакова А. А. на нарушение его конституционных прав положениями частей первой и третьей статьи 50, частей первой и третьей статьи 51, части второй статьи 52, части второй статьи 248, части первой статьи 292, части первой статьи 293, статьи 294 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта «в» части третьей статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 19 дек. 2017 г. № 2873-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen A. A. Saygakov about violation of his constitutional rights by the provisions of parts One and three of Article 50, parts one and three of Article 51, part two of Article 52, part two of Article 248, part one of Article 292, part one of Article 293, Article 294 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and by Item 'b' of part three of Article 146 of the Criminal Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2873-O of December 19, 2017. Accessed from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

² On the Introduction of Amendments to Articles 236 and 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law No. 269-FZ of July 21, 2014. Accessed from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей его части по реабилитирующим основаниям (ч. 7 ст. 246 УПК РФ).

Прямое влияние отказа государственного обвинителя от обвинения, по мысли законодателя, следует из принципа состязательности сторон и вытекающей из его существа логики: нет притязания стороны – нет предмета судебного рассмотрения.

Последний советский УПК 1960 года содержал иное регулирование. В частности, статья 248 УПК РСФСР предусматривала обязанность прокурора отказать от обвинения и изложить суду мотивы отказа, если в результате судебного разбирательства прокурор придет к убеждению, что данные судебного следствия не подтверждают предъявленного подсудимому обвинения. Вместе с тем отказ прокурора от обвинения не освобождал суд от обязанности продолжить разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого. Однако уже в тот период высказывалось мнение о неправильности такого подхода. Так, В. М. Савицкий полагал, что необходимым последствием отказа прокурора от обвинения в суде должен быть оправдательный приговор или постановление о прекращении уголовного дела [12, с. 70–79].

В советской уголовно-процессуальной доктрине было распространено и противоположное мнение, заключающееся в том, что обвинение некорректно отождествлять с уголовным иском, а отказ от поддержания обвинения обвинителем не аннулирует публичного обвинения, сформулированного в досудебном производстве. Так, М. П. Давыдов указывал, что «требование – это часть (элемент) гражданского иска и представляет ту отличительную черту, благодаря которой обвинение нельзя считать уголовным иском» [4, с. 40]. Аргументами в пользу разрешения судом уголовного дела, несмотря на отказ от обвинения, традиционного выступают и тезисы о том, что только при таком подходе суд не лишен возможности установления истины по уголовному делу [5, с. 137–140; 7, с. 33; 10, с. 77], а также о недопустимости ограничения самостоятельности и независимости суда [8, с. 50].

Сторонники такого подхода имеются и в современной доктрине. В частности, Л. В. Головки исследует данный вопрос через призму анализа оснований легитимации полномочия прокурора поддерживать обвинение в публичном процессе. В американском варианте легитимность прокурора может быть обоснована политической ответственностью перед избирателями – угрозой не быть переизбранным в случае ненадлежащего выполнения функции по поддержанию обвинения. В континентальном варианте, по мнению ученого, легитимность основана на выдате доверенности (образно) прокурору обществом

поддерживать обвинение в совершении общественно опасных деяний без права распорядиться обвинением самостоятельно [2, с. 55–58].

Л. В. Головки также отмечает: «Прокурор не вправе распоряжаться возбужденным перед судом публичным иском», т. е. в его действиях нет и не может быть ни малейших признаков диспозитивности, поскольку он защищает не частные интересы, а интересы общества в целом, действуя в уголовном процессе от его имени» [2, с. 57]. Схожей позиции придерживалась П. С. Элькинд, которая в качестве задачи функции поддержания перед судом обвинения определяла обеспечение безусловного изобличения перед судом лиц, совершивших преступление, обеспечение неотвратимости их справедливого наказания [16, с. 61]. Однако если следовать указанной логике, то содержание интереса общества (что всегда умозрительно) сводится к единственно возможному – требовать осуждения каждого подсудимого. Представляется, что нельзя оставлять за скобками двух обстоятельств: 1) прокурор, поддерживающий обвинение, – это квалифицированный юрист, на которого к тому же возложена функция имманентно надзирать за законностью в уголовном судопроизводстве; 2) интерес любого гражданина выражается в том, чтобы ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности. Аналогичный тезис обозначен и самим государством в качестве назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Социальный аспект этого непростого вопроса также не следует оставлять без внимания. В доктрине справедливо поднимается вопрос общественного доверия к уголовному судопроизводству. М. Б. Набатов определяет его в качестве «отношения общества как сложной социальной структуры индивидов к уголовному судопроизводству, его осуществлению в целом и деятельности его представителей, выражающееся в уверенности либо неуверенности в том, что уголовное судопроизводство осуществляется правильно, объективно и беспристрастно в интересах индивида и/или всего общества, а уголовное наказание является справедливым» [9, с. 445].

Думается, что правовой статус прокурора как имманентного надзирателя за законностью несоместим с возложением на государственного обвинителя обязанности осуществлять уголовное преследование без оглядки на законность и мотивированность обвинения, убедительного обоснования его доказательствами. При ином подходе институт отказа от обвинения вовсе не был бы востребован в уголовном процессе (фантазийно запишем: прокурор не вправе отказаться от принятого на себя обвинения). Профессор В. М. Савицкий констатировал: «Поддержание обвинения либо отказ от обвинения, если оно не подтвердилось на судебном следствии, – вот что составляет основное содержание деятельности прокурора в суде, вот что определяет его процессуальное

during the trial entails the termination of the criminal case or criminal prosecution in full or in its relevant part on exonerative grounds (Part 7 of Article 246 of the RF Criminal Procedure Code).

According to the legislator, the direct impact of the public prosecutor's refusal to charge follows from the principle of the adversarial nature of the parties and the logic that follows from its essence: where there is no claim of the party, there is no subject of judicial review.

The last Soviet Code of Criminal Procedure (Criminal Procedure Code of the RSFSR of 1960) provided different regulation. Article 248 of the Code established the prosecutor's obligation to refuse to charge and inform the court about the reasons for the refusal if, as a result of the trial, the prosecutor becomes convinced that the data of the court investigation does not confirm the charges brought against the defendant. At the same time, the prosecutor's refusal to charge did not relieve the court of the obligation to continue the trial and resolve the question of the defendant's guilt or innocence on general grounds. However, already at that time, an opinion was expressed about the wrongness of this approach. For example, V. M. Savitsky believed that the prosecutor's refusal to charge in court was supposed to mandatorily result in an acquittal or a decision to terminate the criminal case [12, pp. 70–79].

In the Soviet doctrine of criminal procedure, the opposite opinion was also widespread – that it is incorrect to equate a charge and a criminal claim, and the refusal to support the charge by the prosecutor does not nullify the public charge formulated in pre-trial proceedings. For instance, M. P. Davydov noted that 'a demand is a part (element) of a civil claim, and it represents the distinctive feature that conditions the impossibility to consider a charge to be a criminal claim' [4, p. 40]. Other arguments in favor of the court's solving the case in the face of a dropped charge are seen in the thesis that only with this approach the court is not deprived of the opportunity to establish the truth in a criminal case [5, pp. 137–140; 7, p. 33; 10, p. 77] and also the thesis about the inadmissibility of limiting the court's autonomy and independence [8, p. 50].

This approach has supporters in modern doctrine. In particular, L. V. Golovko explores this issue through the prism of analyzing the grounds for legitimizing the prosecutor's authority to support the charge in a public trial. He notes that in the American version the legitimacy of the prosecutor can be justified by political responsibility to the voters – by the risk of not being re-elected in the case of improper performance of the function of supporting the prosecution. As the scientist believes, in the continental version the legitimacy is based on the issuance of a 'power of attorney' (figuratively

speaking) by the society to the prosecutor for supporting the charge of committing socially dangerous acts without the right to dispose of the charge by himself [2, pp. 55–58].

Golovko also notes that 'The prosecutor has no right to dispose of a public lawsuit brought before the court, i.e., there are no and there cannot be the slightest signs of discretion in his actions, since he protects not the private interests but the interests of society as a whole, acting on its behalf in criminal proceedings' [2, p. 57]. A similar position was held by P. S. Elkind, who defined the task of supporting charges before the court as ensuring the unconditional establishing by the court of the guilt of those who committed a crime, and as ensuring the inevitability of their just punishment [16, p. 61]. However, if we follow this logic, then the content of the public interest (which is always speculative) boils down to the only possible thing – to demand the conviction of every defendant. It seems that two circumstances cannot be ignored: 1) the prosecutor who supports the charges is a qualified lawyer who is also entrusted with the function of inherently overseeing the legality of criminal proceedings; 2) the interest of any citizen lies in ensuring that no single innocent person is brought to criminal responsibility. An analogous thesis is indicated by the state itself as the purpose of criminal proceedings (Article 6 of the RF Criminal Procedure Code)

The social aspect of this complicated issue should also not be overlooked. The doctrine is right to raise the issue of public confidence in criminal proceedings. M. B. Nabatov defines it as the attitude of society as a complex social structure of individuals toward criminal process, its implementation in general, and the activities of its representatives, expressed in confidence or lack of confidence that criminal proceedings are conducted correctly, objectively, and impartially, in the interests of the individual and/or the whole society, and that the criminal punishment is fair' [9, p. 445].

Seemingly, the legal status of the prosecutor as an immanent supervisor of legality is incompatible with assigning the public prosecutor the duty to carry out criminal prosecution without regard to the legality and convincing substantiation of the charge on the basis of evidence. Otherwise, the refusal to charge would not be practically applied in the criminal process at all (if we put in the form of a fantasy: the prosecutor would not have the right to waive the charge that he has accepted). Professor V. M. Savitsky stated that 'Supporting the charge or refusal to charge where the charge was not confirmed during the judicial investigation is what constitutes the main content of the prosecutor's activities in court, what determines his procedural

положение как участника судебного разбирательства» [13, с. 32]. По справедливому утверждению А. Г. Халиулина, «в отличие от иных органов, осуществляющих уголовное преследование, прокуратура осуществляет эту уголовно-процессуальную функцию исходя из своей основной функции – надзора за исполнением законов» [15, с. 8].

Однако остановиться на этих суждениях также было бы неверным ввиду встречающихся в практике (пусть и немногочисленных) случаев необоснованных (ошибочных) отказов прокурора от обвинения.

Понять, насколько безоговорочен и принципиален современный законодательный подход, определяющий прямую зависимость пределов разбирательства от позиции государственного обвинителя, можно, обратившись к истолкованию института отказа прокурора от обвинения Конституционным Судом РФ, в котором применение части 7 статьи 246 УПК РФ приобретает некоторые условия. К ним относятся следующие оговорки: 1) отказ от обвинения должен быть мотивирован со ссылками на предусмотренные законом основания; 2) вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты; 3) вышестоящий прокурор, если он установит, что нижестоящим прокурором соответствующие публичные интересы не были обеспечены, обязан исправить обнаруженные отступления от требований закона¹. Приведенные тезисы нашли свое отражение в пункте 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)».

Представляется, перечисленные условия вполне оправданны. Их формулирование, с одной стороны, удерживает от размытия действие принципа состязательности, с другой – обеспечивает возможность исправления допусаемых государственным обвинителем ошибок. Так, требование мотивированности отказа от обвинения выступает гарантией от злоупотребления властью прокурора, снижает коррупционные риски при разрешении уголовных дел, обеспечивает общеправовое требование обоснованности принимаемых в уголовном процессе решений, уменьшает вероятность занятия прокурором ошибочной позиции.

Условие, связанное с возможностью заявления об отказе от обвинения лишь по завершении судебного следствия, вытекает одновременно из публичности уголовного процесса и необходимости обеспечения интереса потерпевшего в уголовном процессе. Поддержание государственного обвинения есть обязанность, а не право прокурора. Последний не вправе распорядиться им по собственному усмотрению, поскольку поддержание обвинения осуществляется не в личных интересах конкретного обвинителя и даже не в интересах ведомства, к которому он принадлежит, а в интересах общества и государства в целом. Кроме того, в условиях отсутствия в отечественном процессе института субсидиарного обвинения (возможности потерпевшего самостоятельно поддерживать обвинение в случае отказа государственного обвинителя от обвинения) заявление прокурора об отказе от обвинения на более ранних этапах судебного разбирательства лишило бы потерпевшего возможности участвовать в исследовании доказательств, довести до суда и сторон свою позицию, представить доказательства.

В этой связи показателен следующий пример судебной практики, в котором представитель потерпевшего, дойдя до кассационной инстанции, добился признания немотивированным частичный отказ прокурора от обвинения, несмотря на позицию прокурора об оставлении состоявшегося решения без изменения.

Принятый судом частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 201 УК РФ, повлек прекращение уголовного преследования по оставшейся части обвинения в связи с истечением сроков давности уголовного преследования на основании пункта 3 части 1 статьи 24 УПК РФ. Потерпевшему потребовалось самостоятельное обжалование состоявшегося решения в двух инстанциях, прежде чем кассационный суд отменил его с передачей уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение. Решение мотивировано тем, что отказ прокурора от обвинения имел место до окончания судебного следствия по уголовному делу, что повлекло нарушение права потерпевшего на состязательное судебное разбирательство в условиях равенства сторон². Прокуратура в данном деле во всех инстанциях настаивала на законности и обоснованности отказа прокурора от обвинения.

В практике нередко встречается несовпадение позиций прокуроров относительно мотивированности отказа от обвинения. Подобные ситуации,

position as a participant in the trial' [13, p. 32]. As A. G. Khaliulin was right to note, 'unlike other bodies carrying out the criminal prosecution, the prosecutor performs this criminal-procedure function while basing on his main function – supervision of law enforcement' [15, p. 8].

However, it would also be wrong to fix upon these judgements in view of the cases (even though not numerous) of unreasonable (erroneous) refusals of the prosecutor from charges.

The interpretation of the institution of the prosecutor's refusal to charge provided by the Constitutional Court of the Russian Federation demonstrates the unconditionality and inflexibility of the modern legislative approach that determines the direct dependence of the scope of proceedings on the position of the public prosecutor. In this interpretation, the application of Part 7 of Article 246 of the RF Criminal Procedure Code acquires certain conditions: 1) the refusal to charge must be substantiated and accompanied by references to the grounds provided for by law; 2) the court's decision that rests on the relevant position of the public prosecutor is permissible only after completing the examination of the relevant case materials and after hearing the opinions of participants in the court session on the part of the prosecution and defense; 3) if a higher-rank prosecutor finds that the relevant public interests were not secured by a lower-rank prosecutor, the former is obliged to correct the detected deviations from the requirements of the law¹. These theses are reflected in Item 20 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 19, 2017 No. 51 'On the Practice of Applying Legislation in the Consideration of Criminal Cases in the Court of First Instance (General Procedure for Judicial Proceedings)'.

The listed conditions appear to be fully justified. Their existence, on the one hand, keeps the adversarial principle from blurring and, on the other hand, provides an opportunity to correct mistakes made by the public prosecutor. In particular, the requirement that the prosecutor is to substantiate his refusal to charge serves as a guarantee against abuse of the prosecutor's power, reduces corruption risks in resolving criminal cases, complies with the general legal requirement for the validity of decisions taken in the criminal process, and reduces the risk of the prosecutor taking an erroneous position.

The condition associated with the possibility of announcing a refusal to charge only after the judicial investigation is completed, also follows from the publicity of criminal procedure and the need to promote the victim's interest in the criminal process. Supporting the public prosecution is the prosecutor's duty, not his right. The prosecutor does not have the right to dispose of this duty at his own discretion since the supporting of the prosecution is not carried out in the personal interests of a particular prosecutor or even in the interests of the department to which he belongs, but in the interests of society and the state as a whole. In addition, in the absence of the institution of subsidiary prosecution in the Russian criminal procedure (i.e., the right of the victim to independently support the prosecution when the public prosecutor refuses to charge), the prosecutor's announcement of the refusal to charge at an earlier stage of the trial would deprive the victim of the opportunity to participate in the examination of evidence, bring his position to the court and to the parties, and present evidence.

In this regard, the following example from judicial practice is illustrative: having reached the cassation instance, the victim's representative managed to make the court recognize the prosecutor's partial refusal to charge as ungrounded despite the prosecutor's insistence on leaving the decision unchanged.

The public prosecutor's partial refusal to support the charge of committing the crime under Part 1 of Article 201 of the Criminal Code of the Russian Federation (hereinafter also referred to as the RF Criminal Code) and the acceptance of this partial refusal by the court, resulted in the termination of criminal prosecution on the remaining part of the charge due to the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution as per Item 3 of Part 1 of Article 24 of the RF Criminal Procedure Code. The victim had to independently appeal against the decision in two instances before the Court of Cassation overturned it and transferred the criminal case for a new appeal review. The decision was substantiated by the fact that the prosecutor's refusal to charge was announced before the end of the judicial investigation of the criminal case, this resulting in a violation of the victim's right to an adversarial trial in conditions of equality of the parties². In this case, the prosecution service insisted in all instances on the legality and validity of the prosecutor's refusal to charge.

In practice, there is often discrepancy between the positions of prosecutors regarding the substantiation for the refusal to charge. Such situations are,

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан [Электронный ресурс]: Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16 янв. 2024 г. № 77-62/2024.

¹ On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Articles 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 and 408, and Chapters 35 and 39 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with requests from courts of general jurisdiction and complaints from citizens: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-P of December 8, 2003. Accessed from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

² Cassation Resolution No. 77-62/2024 of the Second Cassation Court of General Jurisdiction of January 16, 2024.

конечно, нежелательны, поскольку процессуально любой прокурор (независимо от персоналии) представляет прокуратуру в целом, что вытекает из принципа единства прокуратуры. Однако очевидно, что по объективным причинам полностью исключить ошибки невозможно.

Правомотие вышестоящего прокурора отреагировать принесением апелляционного, кассационного, надзорного представления на необоснованный отказ нижестоящего прокурора от обвинения обусловлено общеправовой логикой, в силу которой в случаях, когда закон требует указания мотивов решения, предполагается и возможность их последующей проверки и оценки. Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 8 декабря 2003 г. № 18-П, «...иначе решение нижестоящего прокурора об отказе от обвинения превращалось бы в окончательное решение, которое, вопреки принципам правового государства, не может быть исправлено ни в рамках централизованной системы органов прокуратуры, ни судом».

Вышеизложенное позволяет заключить, что логика регулирования вопроса о последствиях отказа прокурора от обвинения ясна лишь с учетом конституционного истолкования положений части 7 статьи 246 УПК РФ. Такой подход направлен на обеспечение баланса: между реализацией состязательности (суд постановляет приговор в рамках обвинения, которое предъявлено и поддержано стороной обвинения) и созданием условий для реагирования суда на необоснованное или ошибочное решение государственного обвинителя об отказе от обвинения. Представляется, что отражение в тексте закона обозначенных Конституционным Судом РФ условий о мотивированности и своевременности отказа прокурора от обвинения будет способствовать более системному правовому регулированию, снижению вероятности допусаемых правоприменителем ошибок.

Что касается процессуальных возможностей участников процесса, то сам суд правомочен уже в ходе судебного разбирательства обратиться к прокурору с просьбой мотивировать решение об отказе от обвинения. В случае несогласия с состоявшимся вследствие отказа от обвинения решением потерпевший, его законный представитель, представитель, прокурор и иные лица, чьи интересы затронуты таким решением, вправе обратиться с соответствующей жалобой, представлением в вышестоящий суд в инстанционном порядке. При наличии всех перечисленных условий обеспечиваются гарантии публичного интереса в уголовном судопроизводстве.

Сама возможность отказа прокурора от обвинения подчеркивает значение стадии судебного разбирательства как центральной стадии процесса, в которой непосредственно и с участием сторон исследуются доказательства. Десятилетия назад С. А. Голунский подчеркивал: «Необходимо решительно бороться с

той точкой зрения, что будто бы задача судебного заседания сводится только к оценке материалов, собранных предварительным следствием, что самостоятельное исследование фактического состояния дела не относится к ведению суда...» [3, с. 24]. Стоит ли упоминать, насколько актуальны эти слова в век «сору-расте» обвинительных документов в приговор.

Специфическая задача поддержать обвинение, которое найдет убедительное подтверждение доказательствами в состязательном судебном производстве, – вот что оправдывает возможность прокурорского усмотрения от имени общественности на основе профессиональной приверженности объективной оценке доказательств и принятию законных, справедливых и объективных решений. Уникальная историческая роль прокурора в государственной деятельности и уголовном процессе обусловлена нацеленностью на служение праву и справедливости, а не уголовной репрессии как таковой.

Справедливо в литературе обращается внимание на то, что специфика роли прокурора в любом правовом порядке заключается в том, что он несет ответственность за имидж уголовного судопроизводства в целом, за оценку общественностью процедурной (в том числе) справедливости [21, с. 345–346]; обособленно подчеркивается несовершенство традиционно принятой дихотомии интереса обвиняемого и публичного интереса (представителем которого выступает прокурор) [22, с. 249]. Российская практика наглядно иллюстрирует эти тезисы многочисленными примерами не только отказа от обвинения, но и внесения прокурорами представлений с требованием о смягчении положения осужденных.

Представляется, всё вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что поддержание прокурором государственного обвинения есть выражение эксклюзивной для состязательного судебного разбирательства функции. Указанное не означает противопоставления поддержания обвинения и уголовного преследования. Согласимся с Ю. В. Козубенко в том, что «уголовное преследование – это движущая сила уголовного процесса. Оно “организует” весь процесс по конкретному уголовному делу, определяет содержание и направление производства по нему» [6, с. 109]. Лексическое обособление «поддержания обвинения», в свою очередь, подчеркивает необходимость поддержания лишь законного и обоснованного, то есть убедительно подтвержденного доказательствами в процессе судебного следствия, обвинения. Отказ же от обвинения лишает судебное разбирательство его предмета, обоснованно препятствует постановлению обвинительного приговора. Вместе с тем публичность уголовного процесса диктует необходимость выполнения условий обоснованности и своевременности отказа прокурором от поддержания государственного обвинения. Такой подход, как видится, согласуется и с разрабатываемой в доктрине теорией судебного преследования, осуществляемого прокурором, как общественного доверия [19, с. 157].

of course, undesirable since any prosecutor (regardless of his personality) represents the prosecution service as a whole, which follows from the principle of the unity of the prosecution service. However, for objective reasons, it is obviously impossible to completely exclude errors.

The authority of a higher-ranking prosecutor to respond to an unjustified refusal to charge of a lower-ranking prosecutor by making an appeal, cassation, or supervisory demand complies with the general legal logic, by virtue of which, in cases where the law requires that reasons justifying the decision be provided, the possibility of subsequent verification and evaluation of these reasons is assumed. As indicated by the Constitutional Court of the Russian Federation in Resolution No. 18-P of December 8, 2003, ‘... otherwise, the decision of the lower-ranking prosecutor to refuse to charge would turn into a final decision, which, contrary to the principles of the law-governed state, cannot be corrected either within the framework of a centralized prosecution system or by court’.

The above suggests that the logic of regulating the issue of the consequences of the prosecutor’s refusal to charge is clear only with due account for the constitutional interpretation of the provisions of Part 7 of Article 246 of the RF Criminal Procedure Code. This approach is aimed at ensuring a balance between the implementation of the adversarial principle (the court delivers a verdict within the extent of the charge that has been presented and supported by the prosecution) and the creation of conditions for the court to respond to the unreasonable or erroneous decision of the public prosecutor on refusing to charge. Seemingly, adding into the legislation of the conditions on substantiation and timeliness of the prosecutor’s refusal to charge, as outlined by the Constitutional Court of the Russian Federation, will contribute to a more systematic legal regulation and will reduce the probability of mistakes by law enforcers.

As to the procedural capabilities of the participants in the process, the court itself has the right to appeal to the prosecutor during the trial with a request to substantiate his decision to refuse to charge. In case of disagreement with the decision taken as a result of the refusal to charge, the victim, his legal representative, representative, prosecutor, as well as other persons whose interests are affected by such decision, have the right to file an appropriate complaint or demand to a higher court in accordance with the instance-based sequence of appeal. If all these conditions are met, the guarantees of public interest in criminal proceedings are ensured.

The very possibility of the prosecutor’s refusal to charge underscores the importance of the trial stage as the central stage of the process in which evidence is examined directly and with the participation of the parties.

Decades ago, S. A. Golunsky emphasized that ‘it is necessary to stand firm against the point of view that the task of the court session is limited only to evaluating the materials collected in the preliminary investigation, and that an independent study of the actual state of things does not belong to the jurisdiction of the court ...’ [3, p. 24]. Today, in the age of ‘copy-pasting’ the indictment documents into the verdict, this position deserves particular attention.

The specific task of supporting the prosecution that can find convincing evidence in an adversarial trial is what justifies the possibility of prosecutorial discretion, on behalf of the public and on the basis of the prosecutor’s professional commitment to an objective assessment of evidence and to making legitimate, fair, and objective decisions. The unique historical role of the prosecutor in government activities and criminal process is determined by the focus on serving the law and justice rather than on criminal repression as such.

It is fairly noted in the literature that in any legal order the prosecutor’s role is specific in that the prosecutor is responsible for the image of criminal proceedings in general, for the public’s assessment of justice, including procedural justice [21, pp. 345-346]; also rightly emphasized is the imperfection of the traditionally accepted dichotomy of the interest of the accused and the public interest (represented by the prosecutor) [22, p. 249]. These theses are vividly illustrated by Russian practice with its numerous examples of not only refusals to charge but also of making submissions by prosecutors aimed at mitigating the convicts’ situations.

All of the above facts allow for a conclusion that the prosecutor’s support of the public prosecution is a manifestation of the function exclusive to adversarial litigation. This does not mean that supporting the charges and criminal prosecution are opposed to each other. We agree with Yu. V. Kozubenko that ‘criminal prosecution is the driving force of the criminal process’. It ‘arranges’ the entire process in a specific criminal case, determines the content and direction of the proceedings [6, p. 109]. The lexical ‘individuation’ of ‘supporting the charge’, in turn, emphasizes the need to support only a legitimate and well-founded charge, that is, a charge convincingly confirmed by evidence during the judicial investigation. Meanwhile, the refusal to charge deprives the trial of its subject matter and justifiably prevents from delivering a verdict of guilty. At the same time, the publicity of the criminal process implies the need to comply with the requirements of validity and timeliness of the prosecutor’s refusal to support the public charge. This approach seems to be consistent with the doctrinally developed theory of prosecution in the court carried out by the prosecutor as public trust [19, p. 157].

Изменение прокурором обвинения в сторону смягчения

Вместе с тем вопрос о пределах судебного разбирательства и роли прокурора в их определении не исчерпывается приведенным выше анализом.

Выстроенная процессуальная логика рушится введением законодателем института изменения обвинения государственным обвинителем. Если точнее, проблему образует нормативное определение изменения обвинения и сформулированные в актах Конституционного Суда правовые последствия такого изменения. Коль скоро усилить обвинение (изменить в судебной стадии обвинение в сторону, ухудшающую положение подсудимого) прокурор в силу закона не вправе, то обозначенный дискурс приобретает значение применительно к ситуациям, когда прокурор «изменяет обвинение» в сторону смягчения.

Так, исходя из части 8 статьи 246 УПК РФ государственный обвинитель до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора может также изменить обвинение в сторону смягчения путем: 1) исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание; 2) исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму УК РФ, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой УК РФ, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте; 3) переквалификации деяния в соответствии с нормой УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание.

При этом из данного Конституционным Судом РФ толкования следует, что «изменение государственным обвинителем обвинения в судебном заседании прекращает состязательность процесса в соответствующей части, в связи с чем суд первой инстанции связан таким заявлением, а его проверка возможна лишь в порядке апелляционного и кассационного обжалования» [1, с. 137]¹.

Подобное толкование никак не согласуется с иными утвердительными тезисами о том, что суд не должен ставиться в положение, когда он вынужден выносить заведомо для себя неправосудный акт.

Более того, указание на возможность проверки заявления об изменении обвинения вышестоящим судом уязвимой позиции суда не отменяет: в проверочных инстанциях действует запрет поворота к худ-

шему. В силу указанного принципа суд апелляционной инстанции вправе ухудшить положение осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено не иначе как по жалобе или представлению, содержащих требование о таком ухудшении.

Приведенные положения обостряют неопределенность в вопросе о правовом положении суда и прокурора в уголовном процессе. С одной стороны, Конституционным Судом РФ (а вслед за ним законодателем) последовательно отстаивается независимость суда, самостоятельность в принятии решений, возможность инициативной проверки им доказательств. С другой стороны, все эти возможности нивелируются принадлежащим прокурору монопольным правом определения применимых норм уголовного закона для целей квалификации обстоятельств конкретного уголовного дела. При таком подходе в российском уголовном процессе нет места классической правовой формуле «суд знает право» (*Jura novit curia*). Очевидно, введение института «изменения обвинения» и истолкование его последствий Конституционным Судом РФ явилось подменой понятий, когда изменение обвинения (что фактически представляет собой частичный отказ от обвинения) было подменено выражаемым прокурором мнением о применимом материальном законе.

Такая бессистемность в подходах влечет множество негативных последствий для организации уголовного судопроизводства. Так, суд по итогам проведенного судебного следствия, получив полное представление о фактической составляющей обвинения, на пороге разрешения уголовного дела по существу ставится в зависимость от мнения о юридической квалификации одной из сторон. Более того, Конституционный Суд РФ отверг возможность реагирования суда на заведомо ошибочное изменение гособвинителем квалификации в сторону смягчения посредством направления уголовного дела прокурору, указав, что «предусмотренное Постановлением от 02.07.2013 № 16-П (а следовательно, и п. 6 ч. 1 ст. 237 УПК РФ) полномочие суда первой инстанции по возвращению уголовного дела прокурору не распространяется на случаи изменения обвинения в суде государственным обвинителем в сторону смягчения (Определение Конституционного Суда РФ от 10.02.2016 № 226-О)».

Changing the Charge by the Prosecutor to Downgrade It

The issue of the scope of judicial proceedings and the role of the prosecutor in determining it cannot be limited to the above analysis.

The well-established procedural logic is ruined by the legislator's implementation of the institution of changing the charge at the public prosecutor's discretion. To be more precise, the problem is caused by the regulatory definition of a change in the charge and the legal consequences of such a change formulated in the acts of the Constitutional Court. Since the prosecutor does not have the right to escalate the charge (to change the charge at the trial stage so that it would worsen the defendant's situation) by virtue of the law, the indicated discourse acquires significance in relation to situations where the prosecutor changes the charge to downgrade it.

According to Part 8 of Article 246 of the RF Criminal Procedure Code, before the judge leaves for a consultation room to deliver a verdict, the public prosecutor may also downgrade the charge by: 1) removing the signs of the crime aggravating the punishment from the legal qualification of the act; 2) excluding from the charge a reference to any provision of the RF Criminal Code if the defendant's act is covered by another provision of the RF Criminal Code the violation of which was imputed to him in the charge sheet or in the bill of indictment; 3) reclassifying the act in accordance with the provision of the RF Criminal Code that prescribes a milder penalty.

At the same time, as follows from the interpretation given by the Constitutional Court of the Russian Federation, 'changing the charge in trial by the public prosecutor disestablishes the adversarial nature of the process in its relevant part, and therefore the court of first instance is bound by such a statement, while its verification is possible only through ordinary and cassation appeals' [1, p. 137]¹.

This interpretation does not agree in any way with other affirmative theses that the court should not be put in a position where it is forced to deliver an obviously wrongful act.

Moreover, indication of the possibility of verifying the charge-changing statement by a higher court does not negate the vulnerable position of the court: verification instances are not allowed to worsen the situation of the person under investigation. By virtue of this principle,

the only situation where the court of appeal has the right to worsen the situation of the convicted/ of the acquitted/ of the person against whom a criminal case has been terminated is on the basis of a complaint or a submission containing a demand to worsen his situation.

The above provisions aggravate the uncertainty about the legal status of the court and the prosecutor in the criminal process. On the one hand, the Constitutional Court of the Russian Federation (and, subsequently, the legislator) consistently defends the independence of the court, its autonomy in decision-making, and the possibility of discretionary verification of evidence. On the other hand, all these possibilities are negated by the prosecutor's monopoly right to determine the applicable provisions of the criminal law for qualifying the circumstances of a particular criminal case. With this approach, there is no place for classical legal formula 'the court knows the law' (*Jura novit curia*) in the Russian criminal process. Obviously, the introduction of the institution of 'changing the charge' and the interpretation of its consequences by the Constitutional Court of the Russian Federation turned to be a concept manipulation: a change of the charge (which, in essence, is a partial refusal to charge) was substituted with the opinion expressed by the prosecutor on the applicable substantive law.

Such haphazard approaches have many negative consequences for the organization of criminal proceedings. On the threshold of resolving the criminal case, the court, having received a full understanding of the factual component of the charge based on the results of the judicial investigation, is put in a position of dependency on the opinion of one of the parties with regard to legal qualification. Moreover, the Constitutional Court of the Russian Federation rejected the possibility of the court reacting to a deliberately erroneous change in the qualification by sending the criminal case to the prosecutor by the prosecuting official wishing to downgrade the charge: the Court pointed out that 'the right of the court of first instance to return the criminal case to the prosecutor as defined in Resolution No. 16-P of July 2, 2013 (and, consequently, in Item 6 of Part 1 of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) is not applicable to cases where the prosecuting official changes the charge in trial to downgrade it (Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 226-O of February 10, 2016)'.

¹ По запросу Курганского областного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 246 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 10 февр. 2016 г. № 226-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Берджаниной Т. А., Васильева А. А. и Васильевой А. Л. на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 124, частями седьмой и восьмой статьи 246 и статьей 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 457-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Голованюка С. М. и Шейнина Я. С. на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 15, пунктом 1 части первой статьи 237 и частью первой статьи 252 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Определение Конституционного Суда РФ от 7 апр. 2022 г. № 824-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ On the request of the Kurgan Regional Court to verify the constitutionality of part eight of Article 246 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 226-O of February 10, 2016. Accessed from the legal reference system 'ConsultantPlus'; On the refusal to accept for consideration the complaint of citizens T. A. Berzhanina, A. A. Vasilyev and A. L. Vasilyeva about violation of their constitutional rights by part three of Article 124, parts seven and eight of Article 246 and Article 252 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 457-O of March 10, 2016. Accessed from the legal reference system 'ConsultantPlus'; On the refusal to accept for consideration the complaint of citizens S. M. Golovanyuk and Ya. S. Sheynin about violation of their constitutional rights by part three of Article 15, Item 1 of part one of Article 237 and part one of Article 252 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 824-O of April 7, 2022. Accessed from the legal reference system 'ConsultantPlus'.

Одновременно с этим в Определении от 10.03.2016 № 457-О указывается, что суд апелляционной инстанции, установив, что позиция государственного обвинителя, изменившего обвинение в сторону смягчения, очевидно ошибочна и что фактические обстоятельства, на которые он ссылается при изменении обвинения, равно как и обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении либо установленные в ходе судебного разбирательства, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления, и при наличии жалобы потерпевшего на приговор, которой инициирован апелляционный пересмотр уголовного дела и в которой поставлен вопрос об ухудшении положения обвиняемого, вправе отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору.

Последовательный анализ позиций Конституционного Суда РФ позволяет обнаружить их противоречивость. Так, если следовать тезисам Конституционного Суда РФ: 1) суд первой инстанции, усматривая очевидную ошибочность изменения обвинения прокурором в сторону смягчения, не вправе вернуть уголовное дело прокурору и, не обладая иными процессуальными возможностями, должен постановить заведомо для себя неправосудное решение и оставить проверку его законности и обоснованности вышестоящей инстанции (которой в отсутствие апелляционного повода может и не случиться); 2) в это же самое время в аналогичных обстоятельствах суд апелляционной инстанции вправе отменить приговор и вернуть уголовное дело прокурору (при наличии для того апелляционного повода).

В таком случае вместо надлежащего разрешения уголовного дела судом первой инстанции уголовное дело, прежде чем завершиться принятием итогового решения, пройдет стадию апелляционного обжалования, возвратится в досудебное производство (где прокурор убедится в том, что определенная им и органом расследования квалификация изначально была дана правильно), вновь направится в суд первой инстанции. Такая «циркуляция» уголовного дела непременно будет сопровождаться: 1) расходом процессуального времени государственных служащих, а равно бюджетных средств; 2) увеличением размера процессуальных издержек обвиняемого (и потерпевшего – в случае обращения за помощью к представителю); 3) уменьшением вероятности соблюдения разумного срока уголовного судопроизводства; 4) снижением авторитета суда как органа правосудия.

Приведенные разъяснения Конституционного Суда РФ о правовых последствиях изменения прокурором обвинения в сторону смягчения путем

юридической переквалификации деяния входят в прямое противоречие с иными разъяснениями, общая суть которых сводится к недопустимости постановки суда в условия вынесения им заведомо неправосудного решения. Это объясняет наличие стихийно сложившейся судебной практики, когда суд апелляционной инстанции, установив ошибочность изменения государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения, отменяет приговор и возвращает уголовное дело не прокурору, а в суд первой инстанции.

Так, например, кассационный суд принял решение об отмене приговора суда первой инстанции и апелляционного определения и передал уголовное дело на новое судебное рассмотрение в тот же суд первой инстанции иным составом суда со стадии судебного разбирательства. В обоснование принятого решения суд отметил, что в кассационных представлениях и жалобе прокурор и потерпевший правильно указали на то, что решение суда о переквалификации содеянного, несмотря на очевидную ошибочность позиции государственного обвинителя, изменившего обвинение в сторону смягчения, не отвечает требованиям части 4 статьи 7 УПК РФ, поскольку из его содержания не следует, что суд проверил обоснованность и законность высказанного государственным обвинителем мнения в части изменения обвинения в сторону смягчения путем переквалификации действий осужденного с части 1 статьи 111 УК РФ на часть 1 статьи 118 УК РФ¹.

В другом деле государственный обвинитель изменил обвинение Ю. путем переквалификации его действий с части 4 статьи 159 УК РФ на часть 1 статьи 330 УК РФ, что повлекло принятие судом решения о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования. Вышестоящий суд, рассмотрев доводы апелляционной жалобы потерпевшего, отменил состоявшийся судебный акт, мотивировав это тем, что ввиду ошибочности и противоречивости позиции государственного обвинителя, изменившего обвинение Ю. в сторону его смягчения, постановление не отвечает требованиям части 4 статьи 7 УПК РФ. Уголовное дело направлено на новое рассмотрение судом первой инстанции².

Очевидно, что обоснованно предоставленные суду возможности активного участия в выяснении всех обстоятельств дела должны, как следствие, обеспечивать и его возможности по юридической квалификации фактических обстоятельств обвинения. Такое правомочие должно принадлежать суду, а не прокурору. В прениях сторон прокурор как сторона может представить суду проект решения, содержащий формулировки по вопросам о том:

At the same time, Ruling No. 457-O of March 10, 2016 states that the court of appeal has the right to cancel the verdict and return the criminal case to the prosecutor, having established that the position of the prosecuting official who has downgraded the charge is obviously erroneous and that the factual circumstances to which he refers when changing the charge, as well as the circumstances set out in the indictment, charge sheet, or charging document, or those found during the trial demonstrate the signs of a more serious crime in the actions of the accused, and if there is a complaint from the victim against the verdict which has initiated an appeal review of the criminal case and which has raised the issue of worsening the situation of the accused.

A consistent analysis of the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation reveals their inconsistency. According to the theses of the Constitutional Court: 1) the court of first instance, while seeing an obvious error of downgrading the charge by the prosecutor, has no right to return the criminal case to the prosecutor and, having no other procedural capabilities, must take a knowingly unjust decision and leave the verification of its legality and validity for a higher court (which may be involved or not, depending on whether the grounds for the appeal exist or not); 2) at the same time, in analogous circumstances, the court of appeal has the right to overturn the verdict and return the criminal case to the prosecutor (in cases when there are grounds for the appeal).

In this scenario, the criminal case, instead of being properly resolved by the court of first instance and before being closed with a final decision, will go through the appeal stage, return to pre-trial proceedings (where the prosecutor will make sure that the qualification determined by him and the investigating authority were originally correct) will send the criminal case back to the court of first instance. Such a 'circulation' of a criminal case will certainly be accompanied by: 1) spending of the procedural time of public officials as well as of the budget funds; 2) an increase in the procedural expenditures incurred by the accused (and of the victim in case of seeking help from a representative); 3) reducing the likelihood of completing the criminal proceedings within a reasonable time; 4) compromising the authority of the court as a body of justice.

The explanations provided by the Constitutional Court of the Russian Federation on the legal consequences of downgrading the charge by the prosecutor through reclassifying the crime are in direct contradiction

with other explanations that highlight the inadmissibility of putting the court in a condition of taking a knowingly unjust decision. This explains the existence of judicial practices, which developed spontaneously, where the court of appeal, having found an error of downgrading the charge by the prosecuting official, cancels the verdict and returns the criminal case not to the prosecutor but to the court of first instance.

For example, the Court of Cassation decided to overturn the verdict of the court of first instance as well as the cassation ruling and sent the criminal case for a new trial to the same court of first instance by a different composition of the court. In substantiation of this decision, the court noted that the prosecutor and the victim correctly pointed out in the cassation request and complaint that the court's decision to reclassify the crime, despite the obvious error of the position of the prosecuting official who downgraded the charge, was not compliant with the requirements of Part 4 of Article 7 of the RF Criminal Procedure Code, since it did not follow from the decision that the court had verified the validity and legality of the opinion expressed by the prosecuting official regarding the downgrading of the charge through reclassifying the actions of the convicted from Part 1 of Article 111 of the RF Criminal Code to Part 1 of Article 118 of the RF Criminal Code¹.

In another case, the prosecuting official changed the charges against Yu. by reclassifying his actions as per Part 1 of Article 330 of the RF Criminal Code instead of the previously applied Part 4 of Article 159 of the RF Criminal Code, this resulting in the court's taking the decision to terminate the criminal case due to the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution. The higher court, having considered the arguments presented in the victim's appeal, cancelled the judicial act, arguing that, due to the erroneous and contradictory position of the prosecuting official who downgraded the charge against Yu., the resolution did not comply with the requirements of Part 4 of Article 7 of the RF Criminal Procedure Code. The criminal case was sent for new consideration by the court of first instance².

Obviously, the possibilities reasonably provided to the court for its active participation in clarifying all the circumstances of the case should consequently ensure its capability to legally qualify the factual circumstances of the charge. Such authority should belong to the court but not to the prosecutor. In hearing the parties' arguments, the prosecutor as one of the parties may submit to the court a draft decision containing the formulations on:

¹ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 29 июня 2023 г. № 77 -2415/2023.

² Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 4 сент. 2024 г. № 22 -5518/2024.

¹ Cassation Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction No. 77-2415/2023 of June 29, 2023.

² Appeal Ruling of the St. Petersburg City Court No. 22-5518/2024 of September 4, 2024.

1) доказано ли, что имело место деяние, в совершении которого обвиняется подсудимый; 2) доказано ли, что деяние совершил подсудимый; 3) является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей УК РФ оно предусмотрено; 4) виновен ли подсудимый в совершении этого преступления; 5) подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление; 6) имеются ли обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание.

В силу части 7 статьи 292 УПК РФ предлагаемые формулировки не имеют для суда обязательной силы. Вместе с тем наличие в законе института изменения обвинения и истолкование Конституционным Судом РФ последствий такого изменения приводит к тому, что предлагаемые прокурором формулировки, напротив, приобретают обязательную силу. В этой связи суды раз за разом вынужденно указывают: «Пределы судебного разбирательства определяются высказанной государственными обвинителем позицией по рассмотренному уголовному делу, поскольку по делам публичного и частно-публичного обвинения, лишь прокурор определяет объем обвинения, подлежащий рассмотрению в судебном заседании»¹.

Текущее положение дел не позволяет судить о единстве и системности подхода к решению одного из центральных вопросов уголовного правосудия – содержания процессуальных функций обвинения и разрешения по существу уголовного дела в состязательном судебном разбирательстве.

Очевидно, вопрос об отказе прокурора от обвинения и об изменении обвинения должен решаться в единой процессуальной логике, учитывающей как особенности состязательности в публичном процессе, так и процессуальный статус государственного обвинителя.

Во всех перечисленных в части 8 статьи 246 УПК РФ случаях изменения прокурором обвинения в сторону смягчения речь идет о выражении им позиции относительно применимых норм уголовного права. Озвученная государственным обвинителем измененная формулировка обеспечивает возможность состязания сторон в новых условиях, однако, по итогам этого состязания суд должен получить возможность самостоятельно и независимо принимать решение о юридической квалификации деяния подсудимого в рамках фактической составляющей обвинения, исследованной в судебном разбирательстве с участием сторон, что требует исключения правила об обязательности для суда изменения прокурором обвинения в сторону смягчения.

Аналогичная логика должна действовать и для следующей ситуации.

Изменение прокурором обвинения, отражающееся на праве подсудимого на защиту от первоначально предъявленного обвинения

Изменение обвинения в судебном разбирательстве в российском уголовном процессе не допускается и в случаях, когда новое обвинение существенно отличается от первоначально предъявленного. Невыполнение этого требования влечет отмену состоявшегося решения².

В такой ситуации на первый план выходит не усиление обвинения (фактическая его составляющая остается прежней), а необходимость обеспечения права на защиту. Доведение государственным обвинителем новой позиции о юридической квалификации деяния до процессуального оппонента необходимо как гарантия обеспечения права на защиту. Однако адресатом этой информации является сторона защиты, с целью обеспечения ей возможности привести контрдоводы, поскольку, в сущности, и здесь речь идет о выборе применимого материального права.

В этой связи Верховным Судом РФ сформулирована обоснованная позиция: «Если в судебном заседании подсудимому вручена измененная государственными обвинителями формулировка обвинения со ст. 290 УК РФ на ст. 159 УК РФ, содержащая те же фактические данные, связанные с описанием преступного деяния, ему дано время на подготовку к защите от нового обвинения, решен вопрос об установлении потерпевшего, который также ознакомлен с формулировкой нового обвинения и допрошен судом, указанные обстоятельства не свидетельствуют о нарушении судом положений ст. 252 УПК РФ и права на защиту подсудимого»³. И в этой ситуации последнее слово о юридической квалификации деяния должно принадлежать суду как органу, несущему ответственность за правосудность итогового решения.

Выводы

Оптимальная модель решения проблемы видится в построении судебного состязания с учетом следующих фундаментальных положений.

Прокурор поддерживает государственное обвинение в интересах общества на основе профессиональной приверженности объективной оценке доказательств и принятию законных, справедливых и мотивированных решений, с учетом сквозного влияния на принятие любого решения функции надзора за законностью процесса.

Суд как орган, от решения которого зависит судьба сразу нескольких людей (как минимум подсудимого и потерпевшего), должен быть обеспечен процессуальными возможностями для постановления

1) whether it has been proven that the act of which the defendant is accused took place; 2) whether it has been proven that the defendant committed the act; 3) whether this act is a crime and in which Item, Part, Article of the RF Criminal Code it is provided for; 4) whether the defendant is guilty of committing this crime; 5) whether the defendant is subject to punishment for the crime he committed; 6) whether there are circumstances mitigating or aggravating the punishment.

By virtue of Part 7 of Article 292 of the RF Criminal Procedure Code, the proposed formulations are not binding on the court. At the same time, the existence of the legal institution of changing the charge and the interpretation of consequences of such a change by the Constitutional Court of the Russian Federation result in the situation where formulations proposed by the prosecutor, on the contrary, become binding. As a result, the courts are forced to point out again and again: 'The scope of the trial is determined by the position expressed by the prosecuting official on the criminal case under consideration, since in cases of public and private-public prosecution only the prosecutor determines the extent of the charge to be considered at a court hearing'¹.

The current state of affairs does not demonstrate the unity and consistency of the approach to resolving one of the central issues of criminal justice – the content of the procedural functions of the prosecution and adjudication on the merits of a criminal case in an adversarial trial.

Obviously, the issue of the prosecutor's refusal to charge and of a change in the charge should be resolved using the unified procedural logic that takes into account both the adversarial nature of the public process and the procedural status of the prosecuting official.

In all cases of downgrading the charge by the prosecutor listed in Part 8 of Article 246 of the RF Criminal Procedure Code, it is a question of expressing by the prosecutor of his position on the applicable norms of the criminal law. The new legal qualification of the crime announced by the prosecuting official ensures the possibility of adversarial trial in the new conditions. However, as a result of this trial, the court should have the possibility to independently and autonomously make decisions on the legal qualification of the defendant's act within the framework of the factual component of the charge investigated in court proceedings with the participation of the parties, which requires the exclusion of the rule on the downgrading of the charge by the prosecutor as being mandatory for the court.

An analogous logic should apply to the following situation.

Changes in the Charge Introduced by the Prosecutor and Affecting the Defendant's Right to Defend Himself Against the Initial Charge

A change in the charges in trial is not allowed by the Russian criminal procedure in cases where the new charge differs significantly from the initial one. Failure to comply with this requirement will result in the cancellation of the decision².

In such a situation, the need to ensure the right to defense shall prevail over making the charge heavier (its actual component remains the same). Informing the procedural opponent about a new legal qualification of the crime by the prosecuting official is necessary for ensuring the right to defense. The addressee of this information is the defense party (and not the court), which thus receives the opportunity to present counter-arguments, since, in essence, this is, again, the case of choosing the applicable substantive law.

In this regard, the Supreme Court of the Russian Federation formulated a substantiated position that 'If in a trial the defendant is presented with a statement of charges changed by the prosecuting official from Article 290 of the Criminal Code of the Russian Federation to Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, while containing the same factual data related to the description of the criminal act, and the defendant was given time to prepare for the defense against the new charge, and if the issue was resolved of establishing the victim and familiarizing him/her with the wording of the new charge and he/she was interviewed by the court, these circumstances do not indicate a violation by the court of the provisions of Article 252 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the defendant's right to defense³. In this situation, the last word on the legal qualification of the act should be left for the court as the body responsible for justness of the final decision.

Conclusion

The optimal model for solving the problem is seen in organizing the judicial contest with the consideration of the following fundamental provisions.

The prosecutor supports the public prosecution in the public interest on the basis of his professional commitment to an objective assessment of evidence and to the adoption of lawful, fair, and reasoned decisions, taking into account the pervasive influence that the function of supervision of the legality of the process has on the adoption of any decision.

The court, as a body whose decision is crucial for the fate of several people (at least the defendant and the victim), must be provided with the procedural capabilities to

¹ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19 янв. 2023 г. № 77-159/2023.

² Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24 авг. 2022 г. № 77-4243/2022.

³ Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 41-П11ПР от 6 апр. 2011 г.

¹ Cassation Ruling of the Third Cassation Court of General Jurisdiction No. 77-159/2023 of January 19, 2023.

² Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction No. 77-4243/2022 of August 24, 2022.

³ Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation No. 41-P11PR.

приговора, в условиях убежденности в его законности, обоснованности и справедливости. Такая цель достижима за счет наделения суда правом по собственной инициативе проводить следственные действия с целью проверки доказательств, представленных стороной, а также реагировать на допущаемые сторонами нарушения, способные повлечь отмену судебного решения. Вместе с тем указанные гарантии «сильного» суда могут быть реализованы исключительно в случаях, когда наличествует предмет судебного разбирательства. Предмет же такого разбирательства, в свою очередь, определяется поддержанным в судебном разбирательстве обвинением.

Отказ прокурора от обвинения предопределяет принятие судом реабилитирующего решения. Однако условия обязательности такого отказа, сформулированные в ходе конституционного контроля, должны найти отражение в тексте Уголовно-процессуального кодекса. К таким условиям относятся мотивированность и своевременность: если отказ прокурора от обвинения заявлен до завершения этапа судебного следствия или не мотивирован прокурором, суд вправе принять меры по устранению препятствий для правильного рассмотрения уголовного дела – указать на несвоевременность или необходимость мотивирования отказа от обвинения.

Наконец, вопрос об изменении прокурором обвинения в сторону смягчения должен решаться с учетом общеправового принципа о том, что суд знает право и не может быть поставлен в условия, при которых он обязан постановить заведомо для себя несправедливый приговор. Доведение же позиции прокурора относительно юридической квалификации деяния до процессуального оппонента выступает гарантией обеспечения права подсудимого на защиту – предоставления стороне защиты права привести контрдоводы относительно всех обвинительных притязаний государственного обвинителя. При этом право выбора применимой материальной нормы принадлежит исключительно суду.

Библиографический список

1. Бондарь М. М. Уголовное преследование и обвинение в системе уголовно-процессуальных функций // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 2. С. 25–38.
2. Головкин Л. В. Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях теоретических заблуждений // Государство и право. 2012. № 2. С. 50–67.
3. Голунский С. А. К вопросу о реформе предварительного расследования // Проблемы социалистического права. М., 1938. С. 10–18.
4. Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе: Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1974. 135 с.

5. Зозулинский А. Б. Отказ прокурора от обвинения и его правовые последствия // Советское государство и право. 1978. № 7. С. 137–140.

6. Козубенко Ю. В. Уголовное преследование как элемент механизма уголовно-правового регулирования // Государство и право. 2008. № 2. С. 108–113.

7. Мотовиловкер Я. О. Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1974. 71 с.

8. Малина М. А. Современный институт отказа прокурора от обвинения: кризис аутентичности российского уголовного процесса // Lex Russica. 2024. № 10 (215). С. 42–58.

9. Набатов М. Б. К вопросу о доверии общества к российскому уголовному судопроизводству в современных условиях // Право и государство: теория и практика. 2025. № 8. С. 444–447.

10. Нажимов В. П. Об уголовно-процессуальных функциях // Правоведение. 1973. № 5. С. 73–82.

11. Перлов И. Д., Рагинский М. Ю. Назревшие вопросы дознания и предварительного следствия // Советское государство и право. 1957. № 4. С. 115–121.

12. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде: М.: Наука, 1971. 343 с.

13. Савицкий В. М. Процессуальные последствия отказа прокурора от обвинения // Правоведение. 1972. № 1. С. 70–79.

14. Статус и полномочия прокуратур в России и за рубежом / под общ. ред. П. А. Смирнова. М.: Городец, 2025. 200 с.

15. Халиулин А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (Проблемы осуществления в условиях правовой реформы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 28 с.

16. Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1963. 172 с.

17. Bellin J. Theories of Prosecution // *California Law Review*. 2020. Vol. 108(4). Pp. 1203–1253.

18. Farsani A. Alternative Challenges of Criminal Prosecution in Iran and United States of America // *Fares Law Research*. 2023. Vol. 6. Issue 14. Pp. 91–108. DOI: 10.22034/lc.2023.168001.

19. Green B.A., Roiphe R. A. Fiduciary Theory of Prosecution // *American University Law Review*. 2019. Vol. 69. Issue Pp. 102–158.

20. Green B.A., Roiphe R. When Prosecutors Politick: Progressive Law Enforcers Then and Now // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2020. Vol. 110. Issue 4. Pp. 719–768.

21. Heinze A., Fyfe S. The role of the prosecutor // *Core Concepts in Criminal Law and Criminal Justice: Anglo-German Dialogues*. 2020. Vol. 1. Pp. 343–387.

22. Simonson J. The Place of «the People» In Criminal Procedure // *Columbia Law Review*. 2019. Vol. 119(1). Pp. 249–308.

23. Sklansky D. A. The problems with prosecutors // *Annual Review of Criminology*. 2018. Vol. 1. Pp. 451–469.

pass a sentence while being convinced of its legality, validity, and fairness. This goal can be achieved by giving the court the right, on its own initiative, to conduct investigative actions in order to verify the evidence provided by the party, as well as to respond to violations committed by the parties that could lead to annulment of the court decision. At the same time, these guarantees of a ‘strong’ court can be implemented only in cases where there is a subject of judicial proceedings. The subject of such proceedings, in turn, is determined by the prosecution supported in the trial.

The prosecutor’s refusal to charge predetermines the court’s rehabilitating decision. However, the conditions for accepting such refusal as mandatory, these formulated in the process of constitutional control, should be given in the text of the Criminal Procedure Code. These conditions include proper substantiation and timeliness: if the prosecutor’s refusal to charge is declared before the completion of the judicial investigation stage or is not substantiated by the prosecutor, the court has the right to take measures to remove obstacles to the proper consideration of the criminal case – to indicate the untimeliness or the need to substantiate the refusal to charge.

Finally, the question of downgrading the charge by the prosecutor should be resolved taking into account the general legal rule that the court knows the law and cannot be placed in conditions under which it is obliged to render a knowingly unjust sentence. Informing the procedural opponent about the prosecutor’s position on the legal qualification of the crime is a guarantee for ensuring the defendant’s right to defense – for giving the defense the right to present counter-arguments regarding all the accusatory claims of the prosecuting official. Meanwhile, the right to choose the applicable substantive rule belongs exclusively to the court.

References

1. Bondar’ M. M. *Ugolovnoe presledovanie i obvinenie v sisteme ugolovno-protsessual'nykh funktsiy* [Criminal Prosecution and Accusation in the System of Criminal Procedure Functions]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra* – Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2024. Issue 2. Pp. 25–38. (In Russ.).
2. Golovko L. V. *Instituty otkaza prokurora ot obvineniya i izmeneniya obvineniya v sude: postsovetskie perspektivy v usloviyakh teoreticheskikh zabluzhdeniy* [Institutions of the Prosecutor’s Refusal to Charge and Change Charges in Court: Post-Soviet Prospects in the Context of Theoretical Misconceptions]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2012. Issue 2. Pp. 50–67. (In Russ.).
3. Golunskiy S. A. *K voprosu o reforme predvaritel'nogo rassledovaniya* [On the Reform of Preliminary Investigation]. *Problemy sotsialisticheskogo prava* [Problems of Socialist Law]. Moscow, 1938. Pp. 10–18. (In Russ.).
4. Davydov P. M. *Obvinenie v sovetskom ugolovnom protsesse* [Accusation in Soviet Criminal Proceedings]. Sverdlovsk, 1974. 135 p. (In Russ.).

5. Zozulinskiy A. B. *Otkaz prokurora ot obvineniya i ego pravovye posledstviya* [The Prosecutor’s Refusal to Charge and Its Legal Consequences]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet State and Law. 1978. Issue 7. Pp. 137–140. (In Russ.).

6. Kozubenko Yu. V. *Ugolovnoe presledovanie kak element mekhanizma ugolovno-pravovogo regulirovaniya* [Criminal Prosecution as an Element of the Mechanism of Criminal Law Regulation]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2008. Issue 2. Pp. 108–113. (In Russ.).

7. Motovilovker Ya. O. *Ustanovlenie istiny v sovetskom ugolovnom protsesse* [Establishing the Truth in Soviet Criminal Proceedings]. Yaroslavl, 1974. 71 p. (In Russ.).

8. Malina M. A. *Sovremennyy institut otkaza prokurora ot obvineniya: krizis autentichnosti rossiyskogo ugolovnogogo protsesssa* [The Modern Institution of the Prosecutor’s Refusal to File Charges Against a Suspect: Crisis of Authenticity of Russian Criminal Process]. *Lex Russica*. 2024. Issue 10 (215). Pp. 42–58. (In Russ.).

9. Nabatov M. B. *K voprosu o doverii obshchestva k rossiyskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu v sovremennykh usloviyakh* [On the Issue of Public Trust in Russian Criminal Proceedings in Modern Conditions]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* – Law and State: Theory and Practice. 2025. Issue 8. Pp. 444–447. (In Russ.).

10. Nazhimov V. P. *Ob ugolovno-protsessual'nykh funktsiyakh* [On Criminal Procedural Functions]. *Pravovedenie*. 1973. Issue 5. Pp. 73–82. (In Russ.).

11. Perlov I. D., Raginskiy M. Yu. *Nazrevshie voprosy doznaniya i predvaritel'nogo sledstviya* [Urgent Issues of Inquiry and Preliminary Investigation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet State and Law. 1957. Vol. 4. Pp. 115–121. (In Russ.).

12. Savitskiy V. M. *Protsessual'nye posledstviya otkaza prokurora ot obvineniya* [Procedural Consequences of the Prosecutor’s Refusal to Charge]. *Pravovedenie*. 1972. Vol. 1. Pp. 70–79. (In Russ.).

13. Savitskiy V. M. *Gosudarstvennoe obvinenie v sude* [State Prosecution in Court]. Moscow, 1971. 343 p. (In Russ.).

14. *Status i polnomochiya prokuratur v Rossii i za rubezhom* [The Status and Powers of Prosecutor’s Offices in Russia and Abroad]. Ed. by P. A. Smirnov. Moscow, 2025. 200 p. (In Russ.).

15. Khaliulin A. G. *Ugolovnoe presledovanie kak funktsiya prokuratury Rossiyskoy Federatsii (Problemy osushchestvleniya v usloviyakh pravovoy reformy)* [Criminal Prosecution as a Function of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation (Problems of Implementation in the Context of Legal Reform): Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1997. 28 p. (In Russ.).

16. El’kind P. S. *Sushchnost' sovetskogo ugolovno-protsessual'nogo prava* [The Essence of Soviet Criminal Procedural Law]. Leningrad, 1963. 172 p. (In Russ.).

17. Bellin J. Theories of Prosecution. *California Law Review*. 2020. Vol. 108(4). Pp. 1203–1253. (In Eng.).

24. Tadayyon A. Alternatives to Criminal prosecution and its developments in French criminal procedure // *Criminal Law Research*. 2023. Vol. 14(2). Pp. 53–64. DOI: 10.22124/jol.2023.25443.2401.

25. Yavuz H. Alternatives to Prosecution In Turkish Criminal Procedure Law // *Adalet Dergisi*. 2021. Vol. 67. Pp. 77–104.

References

1. Bondar' M. M. *Ugolovnoe presledovanie i obvinenie v sisteme ugolovno-protsessual'nykh funktsiy* [Criminal Prosecution and Accusation in the System of Criminal Procedure Functions]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra* – Forensics: Yesterday, Today, Tomorrow. 2024. Issue 2. Pp. 25–38. (In Russ.).
2. Golovko L. V. *Instituty otказа prokurora ot obvineniya i izmeneniya obvineniya v sude: postsovetskie perspektivy v usloviyakh teoreticheskikh zabluzhdeniy* [Institutions of the Prosecutor's Refusal to Charge and Change Charges in Court: Post-Soviet Prospects in the Context of Theoretical Misconceptions]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2012. Issue 2. Pp. 50–67. (In Russ.).
3. Golunskiy S. A. *K voprosu o reforme predvaritel'nogo rassledovaniya* [On the Reform of Preliminary Investigation]. *Problemy sotsialisticheskogo prava* [Problems of Socialist Law]. Moscow, 1938. Pp. 10–18. (In Russ.).
4. Davydov P. M. *Obvinenie v sovetskom ugolovnom protsesse* [Accusation in Soviet Criminal Proceedings]. Sverdlovsk, 1974. 135 p. (In Russ.).
5. Zozulinskiy A. B. *Otkaz prokurora ot obvineniya i ego pravovye posledstviya* [The Prosecutor's Refusal to Charge and Its Legal Consequences]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet State and Law. 1978. Issue 7. Pp. 137–140. (In Russ.).
6. Kozubenko Yu. V. *Ugolovnoe presledovanie kak element mekhanizma ugolovno-pravovogo regulirovaniya* [Criminal Prosecution as an Element of the Mechanism of Criminal Law Regulation]. *Gosudarstvo i pravo* – State and Law. 2008. Issue 2. Pp. 108–113. (In Russ.).
7. Motovilovker Ya. O. *Ustanovlenie istiny v sovetskom ugolovnom protsesse* [Establishing the Truth in Soviet Criminal Proceedings]. Yaroslavl, 1974. 71 p. (In Russ.).
8. Malina M. A. *Sovremennyy institut otказа prokurora ot obvineniya: krizis autentichnosti rossiyskogo ugolovnogo protsessa* [The Modern Institution of the Prosecutor's Refusal to File Charges Against a Suspect: Crisis of Authenticity of Russian Criminal Process]. *Lex Russica*. 2024. Issue 10 (215). Pp. 42–58. (In Russ.).
9. Nabatov M. B. *K voprosu o doverii obshchestva k rossiyskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu v sovremennykh usloviyakh* [On the Issue of Public Trust in Russian Criminal Proceedings in Modern Conditions]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* – Law and State: Theory and Practice. 2025. Issue 8. Pp. 444–447. (In Russ.).

10. Nazhimov V. P. *Ob ugolovno-protsessual'nykh funktsiyakh* [On Criminal Procedural Functions]. *Pravovedenie*. 1973. Issue 5. Pp. 73–82. (In Russ.).

11. Perlov I. D., Raginskiy M. Yu. *Nazrevshie voprosy doznaniya i predvaritel'nogo sledstviya* [Urgent Issues of Inquiry and Preliminary Investigation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* – Soviet State and Law. 1957. Vol. 4. Pp. 115–121. (In Russ.).

12. Savitskiy V. M. *Protsessual'nye posledstviya otказа prokurora ot obvineniya* [Procedural Consequences of the Prosecutor's Refusal to Charge]. *Pravovedenie*. 1972. Vol. 1. Pp. 70–79. (In Russ.).

13. Savitskiy V. M. *Gosudarstvennoe obvinenie v sude* [State Prosecution in Court]. Moscow, 1971. 343 p. (In Russ.).

14. *Status i polnomochiya prokuratur v Rossii i za rubezhom* [The Status and Powers of Prosecutor's Offices in Russia and Abroad]. Ed. by P. A. Smirnov. Moscow, 2025. 200 p. (In Russ.).

15. Khaliulin A. G. *Ugolovnoe presledovanie kak funktsiya prokuratury Rossiyskoy Federatsii (Problemy osushchestvleniya v usloviyakh pravovoy reformy)* [Criminal Prosecution as a Function of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Problems of Implementation in the Context of Legal Reform): Synopsis of Dr. jurid. sci. diss.]. Moscow, 1997. 28 p. (In Russ.).

16. El'kind P. S. *Sushchnost' sovetskogo ugolovno-protsessual'nogo prava* [The Essence of Soviet Criminal Procedural Law]. Leningrad, 1963. 172 p. (In Russ.).

17. Bellin J. Theories of Prosecution. *California Law Review*. 2020. Vol. 108(4). Pp. 1203–1253. (In Eng.).

18. Farsani A. Alternative Challenges of Criminal Prosecution in Iran and United States of America. *Fares Law Research*. 2023. Vol. 6. Issue 14. Pp. 91–108. DOI: 10.22034/lc.2023.168001. (In Eng.).

19. Green B. A., Roiphe R. A Fiduciary Theory of Prosecution. *American University Law Review*. 2019. Vol. 69. Issue 3. Pp. 102–158. (In Eng.).

20. Green B. A., Roiphe R. When Prosecutors Politick: Progressive Law Enforcers Then and Now. *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2020. Vol. 110. Issue 4. Pp. 719–768. (In Eng.).

21. Heinze A., Fyfe S. The Role of the Prosecutor. *Core Concepts in Criminal Law and Criminal Justice: Anglo-German Dialogues*. 2020. Vol. 1. Pp. 343–387. (In Eng.).

22. Simonson J. The Place of 'The People' in Criminal Procedure. *Columbia Law Review*. 2019. Vol. 119 (1). Pp. 249–308. (In Eng.).

23. Sklansky D. A. The Problems with Prosecutors. *Annual Review of Criminology*. 2018. Vol. 1. Pp. 451–469. (In Eng.).

24. Tadayyon A. Alternatives to Criminal Prosecution and Its Developments in French Criminal Procedure. *Criminal Law Research*. 2023. Vol. 14 (2). Pp. 53–64. DOI: 10.22124/jol.2023.25443.2401. (In Eng.).

25. Yavuz H. Alternatives to Prosecution in Turkish Criminal Procedure Law. *Adalet Dergisi*. 2021. Vol. 67. Pp. 77–104. (In Eng.).

18. Farsani A. Alternative Challenges of Criminal Prosecution in Iran and United States of America. *Fares Law Research*. 2023. Vol. 6. Issue 14. Pp. 91–108. DOI: 10.22034/lc.2023.168001. (In Eng.).

19. Green B. A., Roiphe R. A Fiduciary Theory of Prosecution. *American University Law Review*. 2019. Vol. 69. Issue 3. Pp. 102–158. (In Eng.).

20. Green B. A., Roiphe R. When Prosecutors Politick: Progressive Law Enforcers Then and Now. *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2020. Vol. 110. Issue 4. Pp. 719–768. (In Eng.).

21. Heinze A., Fyfe S. The Role of the Prosecutor. *Core Concepts in Criminal Law and Criminal Justice: Anglo-German Dialogues*. 2020. Vol. 1. Pp. 343–387. (In Eng.).

22. Simonson J. The Place of 'The People' in Criminal Procedure. *Columbia Law Review*. 2019. Vol. 119 (1). Pp. 249–308. (In Eng.).

23. Sklansky D. A. The Problems with Prosecutors. *Annual Review of Criminology*. 2018. Vol. 1. Pp. 451–469. (In Eng.).

24. Tadayyon A. Alternatives to Criminal Prosecution and Its Developments in French Criminal Procedure. *Criminal Law Research*. 2023. Vol. 14 (2). Pp. 53–64. DOI: 10.22124/jol.2023.25443.2401. (In Eng.).

25. Yavuz H. Alternatives to Prosecution in Turkish Criminal Procedure Law. *Adalet Dergisi*. 2021. Vol. 67. Pp. 77–104. (In Eng.).

References in Russia

1. Бондарь М. М. Уголовное преследование и обвинение в системе уголовно-процессуальных функций // *Криминалистика: вчера, сегодня, завтра*. 2024. № 2. С. 25–38.
2. Головкин Л. В. Институты отказа прокурора от обвинения и изменения обвинения в суде: постсоветские перспективы в условиях теоретических заблуждений // *Государство и право*. 2012. № 2. С. 50–67.
3. Голунский С. А. К вопросу о реформе предварительного расследования // *Проблемы социалистического права*. М., 1938. С. 10–18.
4. Давыдов П. М. Обвинение в советском уголовном процессе: Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1974. 135 с.
5. Зозулинский А. Б. Отказ прокурора от обвинения и его правовые последствия // *Советское государство и право*. 1978. № 7. С. 137–140.
6. Козубенко Ю. В. Уголовное преследование как элемент механизма уголовно-правового регулирования // *Государство и право*. 2008. № 2. С. 108–113.
7. Мотовиловкер Я. О. Установление истины в советском уголовном процессе. Ярославль: Изд-во Яросл. гос. ун-та, 1974. 71 с.
8. Малина М. А. Современный институт отказа прокурора от обвинения: кризис аутентичности

российского уголовного процесса // *Lex Russica*. 2024. № 10 (215). С. 42–58.

9. Набатов М. Б. К вопросу о доверии общества к российскому уголовному судопроизводству в современных условиях // *Право и государство: теория и практика*. 2025. № 8. С. 444–447.

10. Нажимов В. П. Об уголовно-процессуальных функциях // *Правоведение*. 1973. № 5. С. 73–82.

11. Перлов И. Д., Рагинский М. Ю. Назревшие вопросы дознания и предварительного следствия // *Советское государство и право*. 1957. № 4. С. 115–121.

12. Савицкий В. М. Государственное обвинение в суде: М.: Наука, 1971. 343 с.

13. Савицкий В. М. Процессуальные последствия отказа прокурора от обвинения // *Правоведение*. 1972. № 1. С. 70–79.

14. Статус и полномочия прокуратур в России и за рубежом / под общ. ред. П. А. Смирнова. М.: Городец, 2025. 200 с.

15. Халиулин А. Г. Уголовное преследование как функция прокуратуры Российской Федерации (Проблемы осуществления в условиях правовой реформы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. 28 с.

16. Элькин П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та. 1963. 172 с.

17. Bellin J. Theories of Prosecution // *California Law Review*. 2020. Vol. 108(4). Pp. 1203–1253.

18. Farsani A. Alternative Challenges of Criminal Prosecution in Iran and United States of America // *Fares Law Research*. 2023. Vol. 6. Issue 14. Pp. 91–108. DOI: 10.22034/lc.2023.168001.

19. Green B. A., Roiphe R. A. Fiduciary Theory of Prosecution // *American University Law Review*. 2019. Vol. 69. Issue Pp. 102–158.

20. Green B. A., Roiphe R. When Prosecutors Politick: Progressive Law Enforcers Then and Now // *Journal of Criminal Law and Criminology*. 2020. Vol. 110. Issue 4. Pp. 719–768.

21. Heinze A., Fyfe S. The role of the prosecutor // *Core Concepts in Criminal Law and Criminal Justice: Anglo-German Dialogues*. 2020. Vol. 1. Pp. 343–387.

22. Simonson J. The Place of «the People» In Criminal Procedure // *Columbia Law Review*. 2019. Vol. 119(1). Pp. 249–308.

23. Sklansky D. A. The problems with prosecutors // *Annual Review of Criminology*. 2018. Vol. 1. Pp. 451–469.

24. Tadayyon A. Alternatives to Criminal prosecution and its developments in French criminal procedure // *Criminal Law Research*. 2023. Vol. 14(2). Pp. 53–64. DOI: 10.22124/jol.2023.25443.2401.

25. Yavuz H. Alternatives to Prosecution In Turkish Criminal Procedure Law // *Adalet Dergisi*. 2021. Vol. 67. Pp. 77–104.

Информация об авторе:

И. В. Килина

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-6410-4605
ResearcherID: HSI-4064-2023

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.15394/jdfsl.2017.1496

DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-471-493

About the author:

I. V. Kilina

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

ORCID: 0000-0002-6410-4605
ResearcherID: HSI-4064-2023

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.15394/jdfsl.2017.1496

DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-471-493

About the author:

I. V. Kilina

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614068, Russia

ORCID: 0000-0002-6410-4605
ResearcherID: HSI-4064-2023

Articles in Scopus / Web of Science:

DOI: 10.15394/jdfsl.2017.1496

DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-471-493

Информация об авторе:

И. В. Килина

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса
и криминалистики
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-6410-4605
ResearcherID: HSI-4064-2023

Статьи в БД Scopus / Web of Science:

DOI: 10.15394/jdfsl.2017.1496

DOI: 10.17072/1995-4190-2024-65-471-493